

18+

Илья Тамигин

Коготь Змея Горыныча

Полунаучная фантастика

Илья Тамигин

**Коготь Змея Горыныча.
Полунаучная фантастика**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Коготь Змея Горыныча. Полунаучная фантастика / И. Тамигин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-564855-6

Как на Земле появился Змей Горыныч и почему исчез? Эта книга о том, как его Коготь стал народным достоянием, а капиталисты пытались им завладеть. Козни иностранных засланцев, противостоящие им простые советские люди, любовь и измена, простая старушка, спугнувшая инопланетян — всё это на страницах романа. Грустные и смешные ситуации, в которые попадают герои, описаны с большим тщанием и симпатией. Сей опус есть кристалл чистого вымысла! Но вера, надежда, любовь и ненависть настоящие! Читайте!

ISBN 978-5-00-564855-6

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Илья Тамигин	6
Коготь Змея Горыныча	7
От Автора	9
Пролог	10
Глава первая	14
1969 год	14
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвёртая	33
Глава пятая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Коготь Змея Горыныча Полунаучная фантастика

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2022

ISBN 978-5-0056-4855-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Тамигин

Коготь Змея Горыныча

Посвящается моей жене Наташе

Илья Тамигин

От Автора

Все события, персонажи, политические деятели и географические названия, а также синий цвет вымышлены. Тем не менее, Автор слышал кое-что о кое-ком, что, очень даже может быть правдой. Если кто-нибудь, паче чаяния, уловит сходство с кем-нибудь из персонажей, то пусть радуется, что ему повезло!

Пролог

Директор департамента исследований инопланетных форм жизни строго взглянул всеми одиннадцатью светочувствительными рецепторами на вытянувшегося в струнку глора* Юма Лича.

*глор – должность такая

– Открыта новая кислородная обитаемая планета. Сектор Ж-7 в Спирали, номер 132 в Кентуре. Отправишься туда для сбора образцов флоры и фауны. Особое внимание разумным существам, коли таковые найдутся. Отлёт 14-го Кренгабля. Вопросы есть?

– Прошу прощения, товарищ директор... Я полечу один, или мне будет позволено взять помощника?

Директор задумчиво свернул хоботок в спираль. Посылать двоих дороже, чем одного, но, с другой стороны, работа предстоит большая.

– Ладно... В виде исключения возьми стажёра Куу. У него хороший метаболизм.

– Есть взять с собой стажёра Куу!

– Если не напортачишь, как в прошлый раз, будешь старшим глором. Свободен.

Юм Лич отдал честь, повернулся через левый пищеприёмник, и вытек из кабинета.

Пипилац «Метафиздец» вынырнул из подпространства в заданной точке. Капитан-штурман довольно фыркнул:

– Мы на месте, товарищ глор.

Юм Лич поскрёб стенку, и одна Облицовочная Плитка пипилаца нехотя всколыхнулась. Затем, беззлобно ворча, перешла в состояние прозрачности. Глор выглянул: голубая планета, покрытая океаном с торчащими из него материками, медленно вращалась перед его восхищённым взором. Чтобы лучше видеть, Юм Лич вырастил оптические телескопы и настроил их на стереоскопическое восприятие.

– Что видно, шеф? – почтительно спросила нижняя половина стажёра, уже распираемая любопытством, в то время, как верхняя только просыпалась.

– Облака... Лесные массивы, горы... Озёра и реки... О! Искусственные сооружения! Признаки разумной жизни... Как интересно! Технологическая цивилизация! Кэп! Снижайтесь во-он туда! – он показал головным щупальцем, куда именно.

– Выполняю.

Посадка!

Большая поляна с высокой травой мягко приняла пипилац. Облицовочные Плитки, Двигатель, Доктор-Питатель и Капитан-Штурман, радостно визжа, рассыпались по новому миру, жадно вдыхая обильный кислород, крепко сдобренный водяными парами. Потом они начали рвать траву и набивать ею пищеварительные органы, пьянея от хлорофилла. Нарушение дисциплины, конечно, но глор воздержался от замечаний. Рейс был долгий, пусть экипаж оттянется в увольнении.

Осмотревшись, он заметил огромное, сульденов* шесть в высоту, каменное изваяние. Антропоморфное! Значит, здесь обитают гуманоиды.

*сульден – 46,4 см

– Стажёр! Подготовь проект трансформации тела для сбора образцов.

– Слушаюсь! Какие-нибудь специальные пожелания? Величина, форма, цвет?

– На твоё усмотрение. Лучше, если будет похоже на что-нибудь местное, чтобы не очень бросалось в глаза.

– Есть, шеф!

Через два местных дня Куу вернулся из шныряний по окрестностям с целью ознакомления с принципами устройства местной фауны и доложил:

– Готово, шеф!

– Ну, показывай.

И стажёр спроецировал на рецепторы глора наброски. Это был слегка похожий на местных рептилий как бы ящер, но с крыльями и тремя головами на длинных шеях.

– Нифига себе! Ну, у тебя и фантазия, стажёр! Почему три головы-то?

– Для лучшего восприятия окружающей среды. И обзор, и нюх, и слух втрое сильнее.

– А почему холоднокровный? Здесь же бывают холодные сезоны!

– А я в него внутренний отопитель встроил. Заодно может из пастей огонь и дым выделять. Мало ли, подпалить что-нибудь понадобится, или, там, дымовую завесу устроить.

– Г-м... Неплохо! А что он жрёт?

– Всё! В смысле, любую органику.

– Тогда трансформируйся и приступай к работе.

Куу закричал, зажужжал, передёрнулся и принялся превращаться в спроектированное создание. Через восемьсот тридцать пять тиктаков* трансформация завершилась. Маленькое (всего два сульдена в длину) существо выпустило из средней головы струйку дыма, кашлянуло, и хрипло доложило:

– Готов выполнить задание Родины, шеф!

*тиктак – временной интервал, равный 43 секундам

Юм Лич задумчиво растёкся вокруг него кольцом, чтобы осмотреть со всех сторон:

– Мелковат... Попасись, набери массу, а то фауна здесь крупнее тебя, а разумные – тем более. Кстати, у тебя разум в одной голове или во всех?

– Я во всех трёх его разместил! – с горделивой скромностью хором отозвался Куу.

Так появился огненосный дракон, впоследствии прозванный на Руси «Змеем Горынычем». И принялся окаянствовать: умыкать красных девиц, купцов и даже иногда князей (потому, что упитанные и здоровье лучше среднего). Ну, и скотину тоже. Стаскивал добычу в секретное место, где Юм Лич изучал пленников и готовил их к отправке в Департамент.

Легенда

Придорожная корчма «Еловая Шишка», что в десяти верстах от Киева, славилась тем, что хозяин, Агафон Шишка, пиво не разбавлял и мыльный корень для пены не подсыпал. Поэтому туда даже княжеские дружинники и богатыри приходили, несмотря на то, что от города далеко.

Русский богатырь Илья по прозвищу Тамигин поднял свою полуведерную (богатырскую!) кружку и чокнулся с Игорем Смелоненом, чухонским богатырём:

– Здрав буди, сильномогучий сын земли Саамской!

– Взаимно! – ответил тот с достоинством.

Отхлебнули, помолчали. Пиво – вещь серьёзная, суеты не любит. Закусили солёной стерлядкой.

– Змей Горыныч совсем наглость потерял, все понятия рассыпал, понимаешь, – посетовал Илья, – То красну девицу умыкнёт, то деревню сожжёт, то купца, а то и князя, чести лишит, да и имущества заодно.

– Жоо, – подтвердил Игор, смахивая пену с усов, – У нас тоже.

Илья налил из почти опустевшей бочки ещё по кружке.

– А, давай, мы его изведём?

Игор ответил не сразу. Подумал, пососал стерляжий плавничок.

– Я не против, жоо. Но нужно будет булатный меч-кладенец раздобыть и стрелы калёные. Как Змея Горыныча без меча-кладенца одолеть?

Илья хлопнул дланью по столешнице, аж мусор с потолка корчмы посыпался:

– Есть у меня кузнец знакомый! Скуёт и меч, и стрелы!

– Дорого? – осторожно поинтересовался Игор.

– Так, не мы же платить будем! Князю киевскому счёт пришлём, он и заплатит!

– Тогда заказывай. Только стрел три штуки надо, не меньше, жоо.

Кузнец Чартыга сковал меч и стрелы за неделю. Киевский князь Владимир, увидев счёт, заворчал, что дорого:

– Допрёжнй-то кладенец мне вдвое дешевле обошёлся... ну, тот, которым Добрыня Никитич рать половецкую покромсал!

– Так это ж восемь лет назад было! Тогда копеечка куды, как весомее была, да и ковал его кузнец татарский Равиль, гастарбайтер без регистрации и лицензии. Вот ты, князюшка, и сэкономил. А, ведь, говорили тебе знающие люди, что татарский булат только на плуги годен! Только на одну рать меча и хватило! Пойми, князь-батюшка, заказ, ведь, нестандартный, булат импортный, печенежский, да и розовое масло для закалки тоже импортное, а таможенные пошлины ты сам устанавливал! – объяснил Чартыга, – Вот и вышло дорого.

Делать нечего, расплатился князь, посетовав, что закалялся меч в розовом царьградском масле:

– Оно же едва не треть стоимости! В следующий раз у фряжских купцов бери, у них розовое масло на двадцать процентов дешевле, потому, что техническое!

Меч получился отличный: хоть волос на водной глади руби, хоть столб железный. По традиции князь спрятал (поклал) его и стрелы в тайник, над которым волхв Однозуб произнёс заклятье и приказал насыпать курган. Потом вызвал Илью с Игором и объяснил, где искать. Так было положено, чтобы меч приобрёл дополнительные боевые качества, и можно было называть его «кладенцом».

Полночи, тихонько матерясь, раскапывали богатыри курган, пока нашли оружие. Взял Илья меч, повертел, взмахнул вполсилы – и дуб столетний перерубил. Игор стрелу калёную на лук из турьих рогов наложил, прицелился, стрельнул – и стену каменную в аршин толщиной пробил насквозь с полусотни шагов. И не затупилась стрела нисколько! Камень, правда, был песчаник.

Сели богатыри на коней: Илья на Сивку, Игор на Бурку, и поскакали Змея Горыныча воевать. День скачут без остановки, другой... третий! Умаялись, оголодали. Наконец, в земле Брянской, в малом Любеническом княжестве, увидали они чудище поганое: огромный, как ладя, крылья на целое поприще размахнул, летит выше колокольни, головы растопырил веером, из ноздрей дым столбом, из пастей пламя на две сажени. И Змей их увидал. Захохотал мерзким хохотом:

– Почто прискакали, добры молодцы? Али смерть весёлую ищите?

Отвечал тут Илья Тамигин с достоинством:

– Не за смертью мы пришли, но за победою! Освободить желаем Землю Русскую от чудища поганого, кровопивца ненасытного, беспредельщика и насильника!

– И Саамскую Землю тоже, жоо! – уточнил Игор Смелонен.

И завязалась тут битва могучая. Игор первую калёную стрелу пустил, прострелил Змею левое крыло. Тот стал высоту терять, в штопор сваливаться! Вторую калёную стрелу пустил – прострелил правое крыло. Упал Змей на мать сыру землю! Поскакал на него Илья, занёс меч-кладенец. Махнул наотмашь, да увернулся Змей, дым пустил, дымовую завесу сделал. Вновь поскакал на него Илья сквозь дым вонючий, да дыхания не хватило, отвернуть пришлось.

А Змей из левой головы огнём в него плюнул! Обжёг десницу едва не до кости! Переложил Илья меч-кладенец в шуйцу. А Игор тут ему и советует:

– Прежде, чем сквозь дым скакать, дыхало мокрым рушником обвяжи!

Послушался Илья, достал из-за пазухи рушник, заздобой Натальёшкой подаренный, смочил его водицей родниковой из фляги, да обвязал вокруг лица. Скачет он сквозь дым – легко дышать! Только очи заслезались. Вот и Змей Горыныч завиднелся! Взмахнул Илья мечом, целя правую голову отрубить, да промахнулся из-за слёз, и удар по передней лапе пришёлся. Упала отрубленная лапа на мать сыру землю, заскребла когтями, постороннего суслика напугала до икоты. Закрутился на месте Змей Горыныч, завыл от жуткой боли. Тут Игор пришпорил своего Бурку и в упор третью стрелу калёную пустил, в сердце целя. Только не в сердце угодил, в лёгкие. Заперхал Змей, закашлялся – дыhalка-то пресеклась! Огнём плеваться уж не может, да и дым получается только жидкий, реденький.

– Стойте, богатыри, – сипит, – Дайте мне роздыху!

– Ладно, – согласился Илья, – даём тебе час на роздых!

Отъехали богатыри в сторону, пообедали сухим пайком да водицей ключевой, ибо битва – битвой, а обед – по расписанию. Через час опять на супостата поскакали. Игор стрелы калёные собрал и заругался, что одна погнулась. А Змей Горыныч времени-то не терял, отразил обратно лапу, правда, поменьше той получилась, что раньше была. И рану в лёгких заживил. По-научному называется – ригинирация.

Снова стрельнул Игор калёною стрелою, попал в среднюю голову, в левый глаз. Захлопал Змей крыльями, а взлететь-то не может! Дыря в крыльях не успел заживить! Тут Илья напрягся, и мечом-кладенцом булатным его ка-ак уе... уделал! Снёс напрочь окривевшую голову! Побежал Змей вприхромку от богатырей, подсакивая и взлететь пытаясь, аки птенец-подлётыйш, кровищей мать сыру землю орошая. Долго ли, коротко ли гнались за ним богатыри, только изловчился Игор Смелонен, пустил на скаку последнюю стрелу калёную, да пригвоздил чудище поганое к дубу развесистому. Наскакал бесстрашно Илья на беспомощное животное, рубанул булатным мечом-кладенцом раз, да другой, да третий! На тысячу кусков порубил и по полю раскидал. И были за это богатырям почёт и слава, а также награда от Любенического князя Изяслава (малая) и от Киевского князя Владимира (большая).

А на другой день после битвы пришёл на ту поляну мужик Тарас и подобрал коготь Змея Горыныч – вдруг пригодится.

Потом вот, что было: насадил Тарас сад вишнёвый, а когда вишня уродилась, заквасил вишнёвку и, по совету ведуньи бабы Яги, опустил в бочку тот коготь. И стала его вишнёвка вкуснее любой другой вишнёвки настолько, насколько мёд слаще репы!

Глава первая

Примечание: обычно литературное произведение заканчивается свадьбой. Автор решил нарушить эту традицию и свадьбу поместить в начало повествования.

1969 год

Село Красный Рай, что в Брянской области, помимо романтического названия знаменито ещё вишнёвыми садами, раскинувшимися там с незапамятных времён. Вишня крупная, чуть не в грецкий орех, сладкая. Особый микроклимат, как утверждают учёные агрономы. Ну, и почва тоже! Она по составу похожа на ту, которая в Крыму, на «Красный Камень». Но у крымчан виноград уникальный, а здесь непревзойдённая вишня. Кстати, пробовали после войны и виноград сажать, но не прижился из-за холодных зим. А вишня так и прёт!

До революции село называлось просто Рай, но в 1919 году приехал из уезда комиссар, товарищ Лигачеев, и, в целях борьбы с религиозным дурманом, приказал село переименовать. На сходе долго спорили, как, но, в конце концов, постановили: назвать село Красный Рай! Товарищу Лигачееву возразить было нечего.

Говорят, что ещё во времена монголо-татарского ига здесь сквашивали любимый ханами вишнёвый напиток, коим мелкий князь Изяслав и платил дань Орде. Но документов, сию легенду подтверждающих, увы, не сохранилось. Несмотря на это, винсовхоз «Чарка Ильича» процветает. Вишнёвка, секретный рецепт которой много веков передаётся из поколения в поколение в семье Тарасовых, под гордым названием «Черри-брэнди Кровь Змея Горыныча» идёт даже на экспорт! Во Францию, Венгрию, Норвегию, Данию, Вьетнам, а с 1969 года – и в Израиль. Да, что там, на экспорт! В самый Кремль ежегодно десять ящиков посылают! Напиток очень деликатесный, вкусный, как... прямо не с чем сравнить, причиняет приятное весёлое опьянение и не сопровождается похмельем.

Красный Рай, несмотря на удалённость от столицы, Брянска и райцентра Любеничи, а также отсутствие асфальтированной дороги, является культурным местом. На три с небольшим хвостиком тысячи жителей имеется два клуба! Один просто так, а другой, побогаче, винсовхозовский. Там и кино крутят аж три раза в неделю, и танцы с вокально-инструментальным ансамблем по субботам, и концерты заезжих артистов устраивают. Кружки функционируют: танцевальный, шахматный, авиамодельный и театральный.

А недавно построили спортзал, где тренируются борцы, штангисты и гимнасты!

Есть в селе и пережиток прошлого – церковь. Храм Ильи Пророка. Служит там отец Александр, пожилой уже, лет под шестьдесят. Областное партийное начальство год назад пыталось церковь закрыть, но секретарь райкома, товарищ Климов, отстоял.

– Да знаете ли вы, – стучал он кулаком, – что за человек отец Александр? Он лучше любого городского доктора людей лечит! Даже, говорят, рак! Даже туберкулёз! Хребты исправляет, зубы рвёт без боли! От бесплодия помогает! И даже это...

Он наклонился к уху товарища Резепкина, областного секретаря, и коротко шепнул что-то.

– Неужто? – вскинул тот брови до самой верхней кромки лба, – Даже если, вообще, на полшестого?

– Ну! А церковь закроем – он и уйдёт! А мы с кем останемся?

Аргумент был веский, и товарищ Резепкин снял вопрос о закрытии церкви с повестки дня. А через неделю приехал в Красный Рай (инкогнито) познакомиться лично с таким замечательным лекарем.

Отец Александр был целителем от Бога. Прихромав на родину с войны из Праги, экстерном сдал экзамены в духовной семинарии. Принял сан и приход в Красном Раю, а заодно и участковую больничку на две палаты, благо диплом фельдшера получил ещё до войны. Мог он не только вышеупомянутое, но и от пьянства заговаривать, и бесов изгонять (эпилепсия), и водянку унимать, и камни в почках и печени дробить, и даже инсульты несколько раз лечил успешно. Приезжавшие из райздрави комиссии каждый раз диву давались, как со своим скудным арсеналом медикаментов и оборудования он добивался поразительных, порой недостижимых даже в столице, результатов.

– Молюсь! – односложно и бесхитростно объяснял священник, – Ну, и травы всякие применяю.

Денег он никогда не брал, хотя и предлагали. Жил на зарплату.

Слава его, как целителя, разошлась широко, и авторитет был огромен. В храм, единственный на полторы сотни вёрст в любую сторону, ездили помолиться аж из самого Брянска. На службе прихожане прямо-таки обмирали от его проповедей, а уж когда о. Александр негромким, но пробирающим до самого нутра голосом возглашал «Вонмем! Паки и паки Господу помолимся!» у всех, в том числе и членов Партии, просто сердца трепетали.

Жил сей замечательный человек в маленькой избушке через дорогу от больнички, весь штат которой, кроме него, составляли три человека: отставной боцман-черноморец Архип, заместитель по адмхозработе, Света Тарасова, медсестра, этой весной закончившая медучилище в Любеничах, и Лида Малюх, фельдшер-акушерка. Ставки санитарки-уборщицы не было, поэтому сознательные прихожанки сочинили график дежурств и регулярно убирались в больничке, а также в храме и в доме о. Александра, хотя против последнего он и возражал.

Света, единственная дочь Арчибальда Ромуальдовича Тарасова (того самого, главного технолога завода и Хранителя Секрета вишнёвки), была девятнадцатилетней блондинкой. Умненькая, старательная и симпатичная, она обладала неплохой фигурой, хотя и склонной к полноте, особенно в нижней части. А, вот, чувством юмора не обладала! Вернее, оно у неё имелось, но очень-очень упрощённое. Из-за этого она всё принимала всерьёз. И вот, однажды осенью...

Однажды осенью, в сентябре, если быть точным, из окружающего Красный Рай леса (а леса там богатые! И сосновые боры, и березняк, и ельник... ну, и всякий другой тоже) вышел демобилизованный воин. Лихо заломленная фуражка, трудолюбиво сплетенные, несуществующие в Советской Армии аксельбанты, золотая бахрома на погонах, придающая им вид эполовтов, укороченные сапоги со шпорами и высокими, на манер ковбойских, каблуками, а также две дюжины значков, украшавших грудь, придавали ладной фигуре воина праздничный и торжественный вид. Орёл, а не просто так, дембель! Шёл он издалека, от Лебединки, до которой его довёз автобус из райцентра, а потому притомился, хотя и носил гордое имя Василий.

Огляделся Василий из-под руки: всё, как прежде, как три года назад, когда в армию ушёл! Даже лужа посередине дороги та же самая. Вон, за полем, сады виднеются, чуть поодаль – церковь на взгорке, а за ней и дом родной! Всего шесть вёрст шагать осталось! Присел Василий на пенёк, подумал, да как свистнет в два пальца. Вдруг получится? И получилось! Через четверть часа прискакал конь Беляш, давний друг и товарищ. Заржал, копытом затопал. Обрадовался, значит. Василий его обнял, горбушку хлебушка поднёс, а затем вскочил на спину и поскакал рысью. Верхом-то не то, что пешком!

По главной улице имени XX Партсъезда ехал важно, шагом. Прохожие при виде красавца воина улыбались и здоровались, ибо все Васю с самого рождения знали. Поравнявшись с церковью, всадник снял фуражку и быстро перекрестился, хотя и вступил в армии в комсомол. А подъехав к больнице, увидел ту, кого искал: Свету Тарасову в белом в незабудках платье, туго обтягивающем фигуру!

«Ух, ты! Какое у ней... всё! А когда уходил, была щупленькая да прыщавенькая, смотреть не на что!»

Улыбнулся и подбоченился.

Света при виде Василия в шикарном мундире прямо-таки обмерла, даже колени ослабли.

«Прынц! Ну, взавправдашный принц! И на белом коне! Ой, девочки-и!»

То, что фамилия «прынца» Мальков, и он из враждебной семьи, она даже не вспомнила.

– Здравствуйте, Василий Лукич, – застенчиво поздоровалась девушка грудным воркующим голосом, покраснев, как маков цвет, от внезапно вспыхнувшей страсти и осознания наличия на лбу прыщика.

«Поленилась утром выдавить, дура! Пусть созре-ет, пусть созре-ет! Вот и созрел... Ой, что делать-то?»

– Здравия желаю, Светлана Арчибальдовна! – залихватски вскинул ладонь к козырьку парень, усилив этим воинским приветствием накал восторга в девушке до немыслимого градуса, – Во, у меня и подарок для вас есть!

С этими словами он протянул Свете шёлковый синий платочек.

Надо сказать, что раньше, до армии, они никаких чувств к друг другу не испытывали. Но сейчас... Прямо, молния между ними проскочила! По крайней мере, так Свете показалось. Она накинула платок на плечи и скосила глаза, жалея, что нет зеркала: надо же, как замечательно с платьем сочетается!

Василий прыгнул с Беляша и взял девушку за руку. Та затрепетала.

– Выходите за меня замуж, Светлана Арчибальдовна! – выдохнул он вкрадчиво, – Прямо сейчас!

Света счастливо всхлипнула и упала к нему в объятия.

Она, вообще-то, встречалась с одним парнем, Степаном Кукиным. Он пришёл из армии весной и сразу принялся ухаживать: поджидал после работы, дарил цветы – ромашки, васильки и одуванчики, приглашал погулять за околицей. Позже, когда узнали друг друга получше, они вместе купались в речке Мокринье, и Степан вытирал Светино затылок в сплошной купальник налитое тело полотенцем, часто и глубоко дыша носом. А ещё приносил ворованные вишни, и девушке было приятно, что парень из-за неё рискует получить заряд крупной соли в задницу от сторожа дяди Пети. Вишни дома всегда было завались, но краденая-то вкуснее! А две недели назад Степан подарил ей бусики из разноцветных стеклянных шариков! И поцеловал! Света вырвалась и убежала, потому, что она не такая, но бусики дома долго разглядывала и примеряла тайком перед зеркалом. Степан ей нравился... но не более того, и сейчас он был выведен за скобки.

– Сейчас?! – пролепетала девушка, – Это как это?

– Да так! Пойдём сельсовет и распишемся!

– А Николай Анисимович в город уехал до послезавтра... вместе с батей и маманей... – обескуражено протянула Света, которой идея моментального замужа очень понравилась.

Василий ненадолго задумался, но вскоре нашёлся:

– А, давай отца Александра попросим! Пусть он нас повенчает!

Парень Шекспира не читал, но сюжетный ход был прямо из «Ромео и Джульетты»!

– Ой! Я тогда сейчас быстренько домой сбегаю, переоденусь... – дёрнулась гражданка Тарасова, донашивающая эту девичью фамилию последние минуты.

– Не надо! Договорились прямо сейчас – значит, прямо сейчас, никаких проволочек! – удержал её Василий.

– Отец Александр сейчас в храме, вечерню служит, – сообразила Света.

И молодые люди пошли в церковь. Беляш, цокая потёртыми подковами по засохшей глине улицы, шёл за ними и негромко ржал – радовался по-своему, по-лошадиному, догадавшись по запаху, что хозяин хочет соединиться с этой человеческой самкой, а она с ним.

У церкви Василий повесил вещмешок Беляшу на спину и велел ждать. Жених и невеста, прежде чем войти в храм Божий, перекрестились, как положено.

– А, может, всё-таки, батю с маманей подождём? Неудобно как-то... – робко спросила Света, переступая порог, – Да и батя осерчать может, ежели без его ведома...

– Ерунда! Они только обрадуются, – заявил Василий с ни на чём не основанным апломбом.

Служба уже заканчивалась. О. Александр произнёс заключительную молитву и осенил всех крестом. Людей было немного. Так, человек десять. Однако среди них были родители Василия! Лука Сергеевич и Капитолина Дмитриевна сильно обрадовались при виде сына, но, когда он объяснил цель своего прихода, сильно удивились!

– Я не поняла! – воскликнула мать, – Как так, жениться? Да ещё на этой! Она же Тарасова! И дома ты ещё не был!

– Ага, сынок, ты бы это... сначала... тово... – промямлил отец невразумительно, – Да и невеста твоя... не совсем... другую бы надо!

Бабка Агафья, деревенская сваха, оскорбилась в соплю, что обошлись без неё. В её пылающем обидой сердце тут же составилась план мести. Ни слова не говоря, она вышла из церкви и шустро пошкандыбала, стуча клюкой, в Ашхабадский переулок, который отвечался от улицы XX Партсъезда всего через километр.

Василий был непреклонен:

– Хочу жениться – и всё тут! И именно на Светке! Нравится она мне шибко!

О. Александр, тоже удивившийся происходящему, тем не менее, венчать пару согласился.

– Да! А кольца-то у вас есть?

– Ну, а как же!

Василий достал из нагрудного кармана сплетённый из соломки мешочек с двумя очень похожими на золотые обручальными кольцами!

«Ой! Значит, думал обо мне! Приготовился! Вон, даже и кольцами запасся!» – счастливо вздохнула Света.

Глубоко вздохнула, аж пуговка отскочила!

И венчание началось. О. Александр возносил молитвы, пел хор, к сожалению, не в полном составе, но старательно.

Тем временем бабка Агафья доковыляла до дома с резными голубыми наличниками, где жила семья Кукиных.

– Стёпка! – завопила она, колотя в окно сухоньким кулачком.

– Чего, баба Гаша? – высунулся Степан с мыльной пеной на лице – он только что побрил левую щёку.

– Сидишь тут, ничего не знаешь, а твою зазнобу в замуж берут!

Степан дернулся и порезал бритвой ухо:

– Чиво-о?! В какой-такой замуж? Сельсовет же закрытый!

– А оне в церкве венчаются!

– Да кто жених-то?!

– А Васька Мальков!

– Ёпэрэсэтэ!!!

– Венчается раб Божий Василий рабе Божьей Светлане! ... Теперь поменяйтесь кольцами!

Кольцо оказалось Свете великовато, и она сжала руку в кулак, чтоб не потерять этот символ семейного счастья.

– А теперь жених может поцеловать невесту!

Василий вытянул губы трубочкой, Света зажмурилась...

И тут!

В храм ввалился красный, потный и залитый кровью Степан с двумя братьями и запыхавшейся, но довольной бабкой Агафьей.

– Стойте! – вскричал он, размахивая кулаками, – Перестаньте! Это я на ней жениться хотел... продолжаю хотеть! А этот обманом!

– Обряд уже совершён, Стёпа, – мягко возразил о. Александр, – Обратного хода нет!

Василий торжественно чмокнул Светины губы.

Главный деревенский гармонист дядя Федя растянул меха и, слегка фальшивя, заиграл марш Мендельсона. Оттеснив Степана с братьями, народ потянулся на выход. Участковый уполномоченный, лейтенант товарищ Прилукин погрозил Степану толстым пальцем:

– И даже думать не моги! Безобразить, то-есть!

Степан стоял смирно, но недобро зыркал исподлобья.

Капитолина Дмитриевна рысью бежала домой, лихорадочно соображая:

«Ой-ёй! Чем всех кормить-то? ... Холодной телятины подам, грибочков жареных, картошечку по-быстрому отварю, огурчики малосольные поставлю, сало... Шпроты есть, во! Ну, и пирогов, как знала, с утра напекла!»

Бычок Борька третьего дня залез на погребницу* и сломал ногу. Пришлось прирезать. Кстати!

*погребница – Автор затрудняется объяснить, что это такое, но звучит очень по-деревенски.

Лука Сергеевич, оседлав чужой велосипед, нёсся в Сельпо. Позарез нужна была водка, одной вишнёвкой разве свадьбу справишь?

Василий и Света медленно и чинно шли под ручку, сопровождаемые друзьями, знакомыми и друзьями знакомых. Мальчишки восторженно вопили:

– Тили-тили тесто, жених и невеста!

Взрослые пели под гармошку неприличные частушки:

Мимо тёщиного дома
Я без шуток не хожу!
То пипиську в дверь просуну,
То ли попку покажу!

Я с милёночком моим
Песни пела до зари.
И попела бы ишшо,
Да свербит влагалишшо!

Мой милёнок на свиданке
Подарил мне бусики.
Я от радости сняла
Розовые трусики!

При слове «бусики» сердце у Светы ёкнуло. Степан же ей бусики подарил! Вдруг Вася увидит, спросит: откуда? А мужу никак не соврёшь... Ой, спрятать в сундук поглубже и никогда не доставать!

Дома их встретил стол, накрытый по максимуму. Даже венгерская колбаса «с солями», нарезанная тонюсенькими до прозрачности ломтиками, лежала на тарелке! Лука Сергеевич, вытирая пот со лба, расставлял бутылки с водкой и графинчики с вишнёвкой. Всё успели!

Свадебный пир получился на славу. Гости кричали «горько-о!!!», и молодые смачно целовались. Выпивали и закусывали, пели и плясали под гармошку. Дядя Федя под конец утомился растягивать меха и уснул, положив голову в хлебницу. Будить его не стали. Отдохнёт – и снова заиграет, не впервой! Была и драка – какая же свадьба без неё? Степан таки подстерёг Василия, вышедшего до ветру, и нанёс ему удар поленом, но получилось вскользаячку, и повреждений не последовало. Василий же приёмом боевого самбо швырнул неудачливого ухажёра об поленницу, дрова осыпались и завалили борца за справедливость.

Молодым постелили в малой спальне, там Василий спал до армии вместе с братишкой Вовкой. Вовка грустил, осознав, что отныне ему придётся спать с родителями. А с ними ни книжку почитать с фонариком под одеялом, ни пукнуть от души! Хотя, с другой стороны... можно из создавшегося положения извлечь пользу!

Когда все улеглись, родители (и Вовка!) долго прислушивались, волнуясь, получится ли у молодых. Судя по доносившимся из-за стены звукам, получилось! И, даже, не один раз!

– Ну, слава Богу! Совет им да любовь! – пробормотала Капитолина Дмитриевна, поворачиваясь на бок и накрывая ухо подушкой-думкой, ибо муж уже храпел, как... а, кто его знает, как! Но громко.

Вовка перевёл дух и расслабленно помотал в воздухе усталой левой рукой, чтобы снять напряжение.

В конюшне тихонько и коротко заржал Беляш, порадовавшись успеху хозяина, и как бы ставя точку в этом сумбурном вечере.

Глава вторая

Утром Света проснулась рано. Потянулась, ощущая приятную лёгкость во всём теле. Накинула ночнушку, одолженную свекровью. Велика, конечно, но зато новая, шёлковая, розовая, с кружавчиками. Хотела надеть перед тем, как лечь, но Вася не дал, сразу накинулся. Ой, как же здорово было! Не удержавшись, наклонилась и поцеловала мужа в затылок. Тот хрюкнул и бормотнул:

– Отстань, Вовка!

Свете стало смешно, и она вскочила на ноги. Энергия бурлила в крови! Стоп! Ноги ощущались как-то не так! Коленки при ходьбе больше не касались друг-друга и ступни ставились не параллельно, а слегка в стороны.

«Это потому, что они теперь больше не девичьи, а бабьи!» – догадалась Света, – «Сведение-разведение у них другое сделалось!»

Об этом феномене, якобы позволяющем отличить девушку от женщины, она слыхала раньше от подруг, а теперь убедилась воочию.

Быстренько умывшись и пожелав доброго утра свекрови, она убежала в родительский дом: корову подоить да в стадо проводить, кур, поросёнка, овец покормить, яйца собрать.

Капитолина Дмитриевна тем временем вошла в спальню и бесцеремонно выдернула простыню из-под спящего сына.

– Чего, мам? – зевнул Василий.

– Ничего! Вставать пора!

Простыню с красовавшимся на ней кровавым пятном Капитолина повесила на заборе. Пусть все видят, что Вася честную девушку в жёны взял! Через полчаса Степан, проходя мимо, заскрежетал зубами, увидев сей знак своего поражения в любви.

Переделав домашние дела, Света вернулась и приготовила мужу завтрак. Яичницу-глазунью из шести яиц с салом и помидорами. Греческий рецепт, да. А себе – такую же, только из двух яиц, чтоб не толстеть. И кофе сварила. Ячменный. Василий лопал и нахваливал. После завтрака молодуха ушла на работу, а Василий сходил на почту, послал телеграмму в Любеничи, и стал думать, как приступить к следующей части плана.

Дело в том... Но будем рассказывать по порядку, чтоб не сбиться и не напутать.

Через год после призыва в Воздушно-Десантные Войска Василия послали служить во Вьетнам. Парень участвовал в боевых операциях неоднократно, но речь пойдёт не об этом.

Однажды, всего за две недели до дембеля, получив увольнительную, рядовой Мальков отправился в город. Не в одиночку, с товарищем Колей, тоже рядовым. Они прошлись по базару – надо же подарки купить родителям и братьям-сёстрам. Коля ещё и своей девушке купил шаль с узорами. А Василия из армии никто не ждал, в смысле, девушки у него не было, поэтому он только братишке подарок искал. День был жаркий, и солдатики решили выпить пива. Севши за столик в маленьком кафе, присосались к кружкам. Пиво было вкусное, тень от зонтика прохладная, хозяйский магнитофон играл приятную музыку английского вокально-инструментального ансамбля «Жучки». Настроение из просто хорошего развилось до замечательного!

– Я, Вась, как только дома окажуся, сразу женюсь! – поделился сокровенной мечтой Коля, – Машка, она такая... На руках носить буду!

– Не, я ишшо погуляю. Успею хомут на шею взгромоздить! – засмеялся Василий.

Они немного поспорили о преимуществах и недостатках женатой жизни, а потом Коля ушёл в сортир. Незамедлительно к Василию подошёл мужчина средних лет с незапоминающейся внешностью, но в клетчатом пиджаке и тёмных очках, и на чистом русском языке спросил:

– Хотите заработать, Василий Лукич?

«Шпиён!» – догадался Василий и ошетинился, – «Вербует, гад! Прямо, как замполит и предупреждал неоднократно и настойчиво!»

Заметив его перекосившееся от ненависти лицо, незнакомец успокаивающе поднял руку:

– О, нет! Я не шпион! Я к вам совсем по другому делу. Но здесь говорить неудобно, да и товарищ ваш сейчас вернётся. Давайте встретимся через час в парке аттракционов один на один. Речь пойдёт о больших деньгах, там, в Советском Союзе, когда вы де-мо-би-ли-зу-е-тесь.

Последнее слово он выговорил с некоторым затруднением.

«Ага, нерусский, значит!» – сообразил Василий, а вслух сказал:

– Лады!

Ибо деньги, да ещё большие – это всегда интересно, тем более, что шпионить не придётся.

Незнакомец растворился в толпе, а тут и Коля вернулся.

Пока допивали пиво, Василий ломал голову, как избавиться от Николая, ибо в одиночку в увольнении разгуливать не разрешалось. Ничего не придумывалось, поэтому решил действовать по обстановке. Или по наитию.

– Пойдём, Никола, в парк. Качели-карусели, сахарная вата, тир с призами... А? – предложил он, вроде бы случайно.

Николай ненадолго задумался. Ему хотелось посидеть в тенёчке подольше, добавить пивка, но боевой товарищ, судя по всему, маленько заскучал, не отпускать же его в парк одного. Замполит насчёт этого предупреждал категорически.

– Ладно, пойдём, – он со вздохом встал и одёрнул китель.

До парка аттракционов было близко, пять минут ходьбы прогулочным шагом, если идти не в ногу.

Войдя в парк, Василий почти сразу увидел незнакомца в клетчатом пиджаке. Тот тоже увидел Василия и изобразил взглядом и мимикой вопрос. Василий украдкой показал на Николая и пожал плечами. Клетчатый понятиливо опустил ресницы, и через две минуты к бойцам подошла цыганка средних лет.

– Ай, молодой, красивый-симпатичный! – затараторила она по-русски с шепелявым польским акцентом, ухватив служивого за рукав, – А позолоти ручку! Что было, что есть, что будет, скажу!

Опешивший Николай попытался вырваться, но цыганка вцепилась в него как клещ.

– Вижу, Николай, печаль у тебя на сердце, любовью томишься к Марии...

Николай совсем обалдел, хотя никакой печали и не испытывал: откуда бы этой тётке знать его имя и, тем более, имя его зазнобы? Цыганка же продолжала тарыхтеть, не замолкая ни на секунду.

Воспользовавшись замешательством товарища, Василий незаметно улизнул и вместе с клетчатым зашёл за будку торговца мороженым и газировкой. Ослабившись, тот протянул ему толстый конверт:

– В письме вы найдёте наше интересное предложение и аванс! Даже если вы откажетесь сотрудничать с нами, аванс возвращать не надо! Если согласитесь, то пошлите шифрованную телеграмму, адрес и текст в письме. До свидания, Василий Лукич!

– Ага... – пробормотал наш герой, поспешно пряча конверт за пазуху.

Всего на секунду отвлёкся, а когда снова поднял глаза, незнакомца уже не было. Как в воздухе растаял!

Вернулся к Николаю, от которого уже отстала цыганка. Он даже не заметил отсутствия товарища.

– Нет, ты представляешь, Вась, всё про меня правильно обсказала! И про Машку тоже! Поженитесь, говорит, уже осенью! И всего два рубля взяла!

Рубли во Вьетнаме ходили наравне с местной валютой.

– Откуда она только взялась-то, здесь, во Вьетнаме?

Василий только хмыкнул:

– Цыгане, они в любой стране водятся.

Вечером в казарме, закрывшись в туалете, Василий вскрыл конверт. Ого! Целая тыща рублей новенькими десятками! Прочитал письмо, написанное на пишущей машинке:

«Уважаемый товарищ Мальков!

Наша фирма «N» чрезвычайно заинтересована в рецепте вишнёвки «Черрибренди Кровь Змея Горыныча», которую сквашивает в Вашей деревне винсовхоз «Чарка Ильича». Мы надеемся, что Вы не откажетесь помочь нам за вознаграждение в 40 000 рублей. Если Вы согласны, то отправьте телеграмму по адресу: г. Любеничи, ул. Красных Зорь, д. 8 кв. 2, Сафонову Ф. М. с таким текстом: «Жду встречи подпись Вася». С Вами свяжутся.

Любящий Вас Доброжелатель»

Сорок тыщ! У Василия даже голова закружилась. Огромные, непредставимые деньги! Двухэтажный четырёхкомнатный дом (с унитазом!) в Любеничах в ту пору стоил самое большее 15 000! Автомашина «Волга-21» – 5 500! А остальные куда девать?

«Придумаю что-нибудь!» – решил Василий, – «А фирма-то, небось, заграничная, ишь, иностранной буквой обозначили!»

Оставалось ждать. До дембеля было ещё тринадцать дней.

Всё это время Василий размышлял, как добыть заветный рецепт. К сожалению, его семья с семьёй Тарасовых была во вражде. Вендетта началась в незапамятные времена, ещё при царе Александре Третьем. Агафон, прапрадед Луки, на масленицу вышел биться на кулаках с Никитой, прапрадедом Арчибальда, и молодецким ударом сломал тому шею. Хотя писаных правил и не было, тем не менее, бить противника по шее считалось неэтично, и семья поклялась отомстить. Однако отомстить непосредственно Агафону не удалось, ибо его за причинённое Никите увечье уездный суд отправил на каторгу. Тарасовы же подловили Агафопова брата Феоктиста, и переломали ему ноги. И пошло: то Мальковы калечили членов семьи Тарасовых, то наоборот. Сие ставшее традиционным членовредительство утихло лишь при Советской Власти, так как и то, и другое семейство поголовно вступило в Партию, но вражда осталась, приняв форму мелких пакостей: кража кур, впрыскивание керосина в улей, вбрасывание дрожжей в сортир. Кстати, телёнка Мальковых на погребницу загнал тайком племянник Арчибальда, Кешка. А Вовка обстрелял из рогатки телевизионную антенну Тарасовых, в результате лишив их удовольствия смотреть телевизор. Они, правда, ещё об этом не знали, ибо были в отъезде.

Агафон же на каторге познакомился с революционерами, поверил в призрак коммунизма, бродящий по Европе, прожил долгую жизнь, показал Ленину место Бунда в партии, объяснил, как реорганизовать рабкрин, а также помог захватить Зимний Дворец, надоумив стрелкнуть из Авроры для паники. В родную деревню так и не приехал ни разу – опасался мести Тарасовых.

Итак, в свете всего вышеизложенного, вступить в контакт с Арчибальдом Тарасовым Василию было очень трудно, если, вообще, возможно. Ну, не выдаст он рецепт, хранящийся в семье чуть ли не тыщу лет! Тем более врагу семьи! Но Василий был парень упёртый. Думал-думал – и додумался!

«А что, если на ихней Светке жениться? Али я не весел, али не красив? Тогда сразу вражда эта дурацкая прекратится – раз! А во-вторых – она у бати рецепт вызнает и мне перескажет! В-третьих, потом завсегда развестись можно будет, ежели не понравится! Только надо действовать сразу! Быстрота и натиск, да!»

Идея понравилась! На базаре были срочно куплены кольца и синенький скромный платочек. Шёлковый, китайский. Никуда не денется, влюбится и женится гражданка Тарасова!

А предшествовало всему этому вот что: в апреле 1969 года мистер Саймон Беркли, хозяин конгломерата винзаводов «Созвездие Ликёров» вызвал к себе главного дегустатора Раймонда Дугласа. Тот вошёл, поздоровался и сел, привычно положив ноги на стол.

– Вот, – буркнул мистер Беркли, ставя на стол бутылку с чем-то красным внутри и невзрачной этикеткой снаружи, – Из Тель-Авива привезли. Попробуй и сообщи своё мнение.

Дуглас сначала прочитал этикетку, благо она была написана английскими буквами: Cherry-brandy Zmei Gorynych Blood. Made in USSR. Vinsovkhoz «Charka Ilycha» village «Krasniy Rai» alk. 20%

Ни название, ни место изготовления ни о чём не говорило. Налив немного в рюмку, Раймонд понюхал, затем лизнул. Глаза его выпрыгнули из черепа, едва не расколов стёкла очков! Лизнул ещё, покатал во рту.

– Просто обалдеть, Саймон! Вишнёвка!

– Сам знаю, что вишнёвка! – хмуро огрызнулся мистер Беркли.

– Да, но она лучше, чем наша! Настолько лучше, насколько алмаз лучше стекляшки!

Дуглас налил себе ещё.

– Ты, это... не увлекайся, мне оставь! И скажи, что нам теперь делать?

Закурив сигару, дегустатор задумчиво выпустил дым:

– Хорошо бы раздобыть ихний рецепт и технологию. Судя по всему, это маленькая фирма, раз расположена в деревне, а значит, можно попытаться войти в контакт с руководством... Деньги понадобятся не такие уж и большие. Можно, конечно, пойти и по другому пути: заключить с ними контракт и скупать всю продукцию... Наверняка это обойдётся не очень дорого.

– Я на это пойти не могу! – возразил владелец «Созвездия Ликёров», – Мы будем вынуждены перепродавать эту советскую вишнёвку с буквами USSR на этикетке, а это не патриотично.

Он встал и подошёл к окну. За стеклом раскинулось Чикаго. Озеро Мичиган блестело мятой фольгой под лучами утреннего солнца, по улицам сновали разноцветные автомобили и люди, едва видимые с двадцатого этажа небоскрёба. Весело мигали светофоры. Небоскрёбы, среди которых не было ни одного одинакового, отражали своими стеклянными поверхностями облака. Там и сям вспыхивало тысячами электрических лампочек рекламное творчество. Огромная бутылка Кока-Колы обещала утолить жажду всего свободного мира. Откуда-то издалека донёсся протяжный паровозный гудок. А может – пароходный. Америка! Она выше всего!

– Америка, Америка, бог любит твой народ... – негромко пропел Саймон и снова повернулся к Дугласу.

– Проведи самый тщательный анализ продукта, Раймонд. Потом доложи мне результаты и свои соображения по поводу того, как совки добились такого выдающегося качества. Я буду думать.

Через три дня Дуглас вошёл в кабинет босса с толстой папкой подмышкой.

– Ну!? – нетерпеливо подался ему навстречу Беркли.

Дегустатор не спеша раскрыл папку:

– Всесторонний анализ продукта показал: во-первых, сорт вишни, использованный для изготовления, нам неизвестен. Видимо, какой-то местный.

– Блин! – закручинился Беркли, закупавший вишню в Висконсине.

– Во-вторых, обнаружены микроскопические следы некоей органики, не присущей сырию. Я склонен полагать, что именно она является усилителем вкуса.

– Что за органика, Раймонд?

– Очень похожа на коллаген, но не совсем. Ни с каким известным науке веществом не идентифицируется.

– Типа, ноготь, что ли? Или волосы?

– Говорю же: неизвестное вещество.

Мистер Беркли задумался, забарабанил пальцами по столешнице. Закурил. Вздыхнул.

– Придётся заслать в этот... как его... Красный Рай какого-нибудь Рэмбо. Пусть или купит, или выкрадет то, что нам нужно!

Местонахождение винсовхоза определили легко. Уже через месяц туда отправился секретный агент ЦРУ Дональд Вильямс, великолепно владеющий русским языком и согласившийся подработать в свободное время. Надев личину дачника-романтика, он, предъявив участковому паспорт на имя Вашимукирнаркина Ольгерда Федотовича (простое, такое русское имя!), снял комнату у уже известной нам бабки Агафьи за тридцать рублей в месяц. Для бабки, получающей пенсию в тридцать восемь рублей и сорок копеек эта тридцатка была мощным подспорьем! Она не могла надышаться на своего жильца и охотно отвечала на его коварные вопросы. Выяснилось, что главным технологом «Чарки Ильича» является Арчибальд Тарасов (Ромуальдович). Сорок шесть лет, член КПСС, женат, имеет единственную дочь Светлану, знак Зодиака – Рыбы, образование среднее специальное (винодел), в армии служил в морской пехоте, старший сержант. Военская специальность – снайпер. Любимое выражение – «Нифига себе!». Любимое блюдо – пельмени. Хобби – рыбалка. А главное и основное – владеет секретом вишнёвки.

– А секрет тот, милоч, из поколения в поколение передаётся от отца к сыну уже тыщу, почитай, лет.

– Так, ведь нету у Арчибальда сына! – воскликнул Ольгерд.

– Знамо, нету.

– Кому ж тогда он секрет передаст?

– Ой, милоч, не ведаю! Может, дочке, а может – племяншу.

Заграничный засланец решил познакомиться с объектом разработки на рыбалке. Рыбу он не любил и никогда раньше не ловил, но пришлось соответствовать. Засев в кустах, выследил, когда Тарасов пошёл воскресным утром на Мокринью и уселся на бережке. Выждав немного, подошёл и вежливо осведомился у Арчибальда, не мешает ли, если сядет рядом. Тарасов возражать не стал, хотя и был против. Но дачник расположился не вплотную, а шагах в пятнадцати. Арчибальд с завистью покосился на его заграничный спиннинг. Такой не то, что в Любеничах, а и в самом Брянске было не достать!

«Наверное, в Москве-матушке покупал...»

Тут сосед сделал первый заброс и Ромуальдыч аж заколдобился: ну, кто так бросает! Мокринья в этом месте была шириной шагов сто пятьдесят, и сам Тарасов добрасывал аж до противоположного берега, а этот неумеха – едва на двадцать шагов. И леску он сматывает коряво, того и гляди, запутает... Тут у него нырнул поплавок на закидушке, и он сосредоточился на насущной проблеме. Аккуратно подсёк и вытащил первую плотвичку! Немного погодя за ней последовал окунёк, затем карасик... Через час до слуха вдруг донеслось крикание. Оглянувшись, Арчибальд обмер: сосед тащил здоровенного сома! Удилище согнулось дугой и трещало.

– погоди! Не тяни! Вываживай! – отчаянно крикнул Тарасов, бросаясь на помощь с подсачком.

Совместными усилиями сом был вытащен на берег. Он разевал усатую пасть и угрожающе бил хвостом. Ольгерд треснул его по башке корягой.

– Ф-фу-у! Надо же! Я таких раньше не ловил никогда!

– Ага, пуда на два потянет! Нифига себе! – завистливо шмыгнул носом Арчибальд.

Слово за слово, познакомились. На прощанье Ольгерд пообещал привезти новому знакомцу заграничный спиннинг, на который будут ловиться даже акулы.

– Вот, на той неделе в Москву съезжу, у меня там... это... ну, в общем, ты понимаешь, – он показал руками очертания женской фигуры.

– Так сюда её привези! Что вы порознь? У нас же воздух! И лес с грибами! И речка с сомами!

– Пока никак. У ней отпуск только в марте, – грустно повесил голову шпион.

Разошлись, довольные друг-другом.

Ты спросишь, Читатель, откуда взялся огромный сом, если Вильямс никогда не ловил на спиннинг?

Отвечаю: просто повезло!

Сом Вильямс ел с бабкой три дня, а остаток она засолила впрок.

А через неделю, после трёхдневного (для убедительности) отсутствия, товарищ Вашимукирнаркин и впрямь принёс новенький японский спиннинг товарищу Тарасову. Прибор вызвал в рыбаке судороги восторга!

– Ой, красота неописуемая! Смотри, катушка-то, со стопором! А удилище, неужто пластмассовое?

– Фиберглассовое.

– Нифига себе! Да, сколько я тебе должен?

– Э-э... пятьдесят пять рублей!

Спиннинг стоил девяносто долларов, а доллар стоил шестьдесят копеек по курсу газеты «Известия». Лишний рубль Вильямс был намерен отжать в свою пользу. Американцы, они такие: на всё идут из-за денег!

– Только то?! А я-то думал...

Был вечер субботы, поэтому благодарный хозяин усадил дорогого гостя за стол выпивать и закусывать. Украдкой проглотив противоалкогольную таблетку, американец приступил к застолью. К его разочарованию вишнёвки, чтобы невзначай свернуть на неё разговор, на столе не было. Пили водку. После четвёртого стакана «Ольгерд» крепко захмелел, несмотря на принятые меры.

– Ой, я, пожалуй, всё...

Тарасов нахмурился:

– Нифига себе! Ты меня уважаешь?

– Ува... Ик... жаю.

– Тогда пей!

Стакан следовал за стаканом, и вскоре счёт им был потерян. Злая русская водка смешала все планы коварного цэрэушника. Вместо того чтобы выпытывать секрет вишнёвки, он распливился и поведал Арчибальду, что климат в Красном Раю такой же, как в его родном Висконсине, что босс постоянно придирается по пустякам к добытой непосильным трудом информации и зажимает премию, что заём за дом платить банку ещё восемнадцать лет, и не дай бог потерять работу, что в Америке, несмотря ни на что, свирепствует расовая дискриминация, и он, Вильямс, был трижды бит куклуксклановцами из-за своего индейского обличья.

Услышав всё это, бдительный гражданин Тарасов заподозрил неладное и на всякий случай послал Свету за участковым.

Товарищ Прилукин пришёл через полчаса, присел к столу и тоже принял в организм стопку «Московской». Крякнув, расправил усы и, вздев на нос очки, всмотрелся в смуглое лицо гражданина Вашимукирнаркина с пьяно отвисшей нижней губой. А затем задал дачнику вопрос, да не в бровь, а в глаз:

– А ты, мил человек, часом не шпиён?

Отрицать уже не было сил, и Вильямс покаянно кивнул.

Наутро товарищ Прилукин благородно опохмелил американца, на своём мотоцикле с коляской отвёз его в Любеничи и сдал, куда надо.

Попытка раздобыть информацию непосредственно у секретносителя провалилась...

Глава третья

– Ну, что ж... Придётся идти длинным путём, – вздохнул мистер Беркли, узнав о провале Вильямса.

Начальник охраны и секретной службы «Созвездия Ликёров» мистер Сандерс сожалеющее развёл мосластыми руками:

– Увы, сэр!

– Какие есть по этому поводу мысли, Джон?

Сандерс задумчиво потёр перебитый нос (в прошлом он был боксёром):

– Заслать в Красный Рай нового агента весьма проблематично, сэр. После поимки Вильямса местный шериф будет настороже, и отнесётся подозрительно к любому пришельцу извне, хотя бы даже и белому. Начнёт вопросы спрашивать, документы рассматривать через лупу... да и нету сейчас никого, адекватно владеющего русским языком. Вернее, есть, но освободятся нескоро. Надо попытаться завербовать кого-нибудь из местных!

– Вот и займись этим не откладывая! Мне этот секрет вишнёвки нужен срочно! Вчера!

– Есть, сэр!

Сандерс вступил в контакт с резидентом ЦРУ в Любеничах, и тот, за вполне разумные деньги, предоставил данные на множество обитателей Красного Рая. Острый взгляд Сандерса зацепился за Василия Малькова, проходящего срочную службу во Вьетнаме.

– Во! То, что надо! И не придётся в деревню ехать!

Несколько недель ушло на поиски кандидата в агенты. Сандерс задействовал все свои связи и в ЦРУ, и ФБР, и среди банковских охранников, но все только разводили руками: нет никого, отвечающего нужным критериям!

Наконец, благодаря помощи Службы Иммиграции, в Нью-Йорке были обнаружены некий Михаилус Петрявичюс (тот самый, в клетчатом пиджаке!) и его жена, Кристина, литовцы, сбежавшие в Америку после войны. Оба владели русским языком вполне уверенно. У них была фирмочка по продаже подержанных автомобилей. Сандерс лично поехал в Большое Яблоко знакомиться. Посетив их магазин в Бруклине (так, ничего особенного, штук двадцать авто, в основном ржавое старьё десятилетней давности), Сандерс приветливо улыбнулся подошедшей к нему Кристине. Жгучая фигуристая брюнетка обвела рукой свои владения:

– Что желает сэр? У нас большой выбор! Вот, например, бьюик...

– Я хотел бы поговорить с вашим мужем, мадам.

– Это о чём это? Если вы из налоговой, то у нас всё в порядке, и лицензия тоже, – слегка встревожилась Кристина.

– Нет, я не оттуда. А речь пойдёт о возможности неплохо заработать.

Повесив на воротах табличку «Закрыто на учёт», Кристина проводила таинственного пришельца в офис, и познакомила с мужем. После взаимных приветствий Сандерс, как выражаются в Мексике, взял быка за рога:

– Я представляю некую фирму. Какую именно, вам знать необязательно. Мы предлагаем вам поехать во Вьетнам и вступить в контакт с неким Василием Мальковым (Лукичом), служащим в воинской части №325870. Вы посулите ему огромные деньги и передадите ему письмо от нас.

– И всё? – с сомнением протянул Петрявичюс.

– Всё! Кроме вашего гонорара мы оплатим проезд, проживание и питание.

– Сколько? В смысле, гонорар какой?

Сандерс назвал сумму. Она вдвое превышала месячный заработок четы Петрявичюсов! Однако Михаилус изобразил на лице колебание:

– Деньги не такие уж и большие, это – раз! Во Вьетнаме стреляют, есть риск нарваться на пулю – это два. В-третьих, как я оставлю хозяйство? Жена одна не справится!

– Да бросьте! Там, куда вы поедете, стрельбы нет. Это – раз! Во-вторых, всё дело займёт всего несколько дней, от силы неделю. Не работа, а прямо каникулы!

– И всё же...

– Хорошо, что вы предлагаете?

Сандерс закурил сигару, чтобы успокоиться, ибо уже начал нервничать. Некурящий Петрявичюс поморщился и распахнул окно. Кристина воспользовалась этим, чтобы мимикой и жестами показать мужу: «Соглашайся, дурак!» Тот незаметно моргнул. Дескать, понял.

– Ну, во-первых, если я соглашусь, то мне по-любому понадобится помощник... помощница. То-есть, мы с женой полетим вместе. Соответственно вам придётся в два раза увеличить сумму гонорара. Это два. И ещё компенсация за упущенную прибыль! Это три!

Сандерс потерял дар речи. Ну и запросы у этого парня!

– Расчёт компенсации поподробнее, пожалуйста.

– Ну, как же: мы продаём в месяц двадцать – тридцать авто (Тут он наврал! Обычно восемь. Рекорд – десять). Бросить наши машины без присмотра невозможно, разворуют всё от колёс до глушителей. Значит, придётся нанимать охрану и платить ей жалованье. А это дорого! Вот я и хочу компенсацию за непроданные машины и зарплату охране!

Озвученная сумма повергла Сандерса в шок. Его выручила Кристина, принеся кофе и брэнди. Хлебнув брэнди и запив его жидковатым растворимым кофе, посланец мистера Беркли пришёл в себя.

– То, что вы хотите, нереально.

«Да я и сам это знаю!» – подумал Петрявичюс.

Тут в голову Сандерса пришла мысль:

– А сколько стоят ваши машины? Те, которые сейчас на стоянке?

– Извольте!

Петрявичюс достал счёты и проворно защёлкал костяшками.

– Вот! – показал он итог на клочке бумажки.

Двоюродный брат Сандерса, Билл, тоже торговал подержанными автомобилями. В Нью-Джерси. Если купить весь этот хлам, подшаманить и продать через Билла... то можно выйти в ноль, а то и заработать пару-другую долларов!

– Окей! Скиньте треть. Ну, я покупаю оптом всё! Перегоните вот по этому адресу в Нью-Джерси. Но я заплачу только за те гробы, которые доедут!

– Ой, доедут все!

Петрявичюс скинул четверть, и сделка была заключена. Гонорар за работу Сандерс увеличил лишь в полтора раза, мотивировав это тем, что помощник (помощница) не может получать столько же, сколько основной агент.

И супруги полетели во Вьетнам. Задание, как мы знаем, они выполнили успешно. Осталось только ждать действий Василия.

Василий наслаждался свободой, бездельем и молодой женой два дня. А на третий день вернулись тесть с тещей и председателем сельсовета Крупским. Не успели они вылезти из мотоцикла с коляской (Днепр! Отличный, надёжный аппарат!), как к ним подковыляла бабка Агафья:

– Катаетесь куды ни попадя, а ничегошеньки не знаете!

– Да, что случилось-то, баба Гаша? – встревожено насторожилась Раиса Михайловна.

– Да, уж, случилось! Дочка ваша случилась! Случка, значить, произошла у ней! – хихикнула Агафья, довольная сим каламбуром.

– Чево-о!? Какая ещё случка? Ты что несёшь, старая?

– А тово! Она у Васьки Малькова нонеча ночевала!
Про венчание в церкви бабка коварно умолчала. Для пущего эффекта. Ну, и из вредности.

Ошарашенная новостью Раиса разлила три литра молока и все семечки рассыпала.

– Застава! – завопила она, – В ружьё!

Её отец был пограничником.

На крыльцо выскочил муж, уже успевший занести вещи.

– Где горит? – вскричал он, озирая хозяйство.

Раиса набрала в живот побольше воздуха и визгливо запричитала:

– Ой, доченька-а! Ой, Светочка-а! Ой, да позор-то неизбежный! Ой! Да, как же ты, милая, не убереглась-то! Ой, да Ваське-то постылому дала без записи, без росписи! Ой, да как же ты теперь людям в глаза-то смотреть будешь!

Арчибальд от изумления застыл в позе бегуна на старте. Затем вскочил в седло Днепра и рванул с места так, что резина задымилась.

Раиса, опираясь на бабку, как на костыль, побрела домой, не переставая оплакивать горькую судьбу дочери. Агафья была довольна донельзя спровоцированным переполохом!

Из кустов вышел кот Мурзик и, довольно урча, принялся лакать разлитое молоко, собравшееся в удобную лужицу.

«Лопнем, но честь боярскую не посрамим!» – твёрдо постановил он, вспомнив цитату из романа Тамигина «Корни», недавно прочитанного Светой.

Такая у неё была особенность: читала все книги вслух. Для приятности.

Света была на работе, ставила клизму деду Вакулину, когда к больничке примчался папа Арчибальд. Ворвавшись в процедурную, он, ни слова не говоря, ибо челюсти свело судорогой от гнева, схватил грешную дочь поперёк талии и швырнул в мотоцикл. Завхоз Архип при виде всего этого аж папирасой подавился.

Дома Арчибальд деловито надавал дочери пощёчин и всыпал ремня, а затем приковал цепью к кровати. Цепь он снял с пса Тузика, чему тот немало порадовался, хотя и удивился.

– Рая! Поставь этой шалаве ведро для нужностей! И чтоб из дому ей ни ногой! – приказал он, – А я разбираться с Васькой пойду!

– За что, батя? – глотая слёзы боли и обиды пролепетала Света.

– За то! За блуд с Васькой!

Света хотела объяснить, что они с Васей повенчались чин-чином, вот, дескать, и кольцо-доказательство, но суровый отец уже выскочил из комнаты.

Зарядив ружьё картечью, Арчибальд шагал по улице XX Партсъезда.

«Порву Ваську на сто кусков! По стенке размажу!»

Прохожие пугливо шарахались в стороны, догадываясь, что сейчас прольётся чья-то кровь. А конкретно – Васьки Малькова! Бабка Агафья, с замиранием сердца предвкушая новый скандал, поспешала за Ромуальдычем, отстав шагов на полсотни.

Вот и дом Мальковых. Пинком распахнув калитку, народный мститель вошёл во двор и сразу же увидел соблазнителя дочери в одних трусах. Василий, ничего плохого не подозревая, щепал топориком дощечку на растопку.

– Повернись лицом к смерти, гад! – воззвал гражданин Тарасов, поднимая двустволку шестнадцатого калибра и весь содрогаясь от ненависти.

Василий обернулся. Ужас не сковал его члены, как писали в старинных романах! Наоборот, он очень успешно прыгнул в сторону, намереваясь укрыться за поленницей. Арчибальд выстрелил из левого ствола, и картечь снесла разделявший их куст сирени. Часть заряда разбила окно кухни.

– Убивают! Ой, лихо! – заорал Мальков и метнул в стрелка полено, чем испортил ему выстрел из второго ствола.

Правый ствол изрыгнул дым и пламя. Свинцовые шарики с визгом преодолели разделявшие врагов двадцать шагов и обрушили поленницу. Два из них, впрочем, пробили ляжку и ягодицу мишени.

– Ой, блин! – вскрикнул Вася и на одной ноге запрыгал в сортир, надеясь, что его там не найдут.

Сортир был всего в пяти шагах, и он успел туда прежде, чем тесть перезарядил ружьё. Арчибальд подошёл к сортиру и жакнул в дверь из обоих стволов. Хлипкая дверь разлетелась в щепки. Просунув руку в дыру, стрелок отодвинул задвижку, надеясь увидеть труп врага. Странно! Внутри никого не было!

«В дерьмо, значит, нырнул, зараза! Больше некуда!»

Снова зарядив ружьё, Ромуальдыч дважды выстрелил в очко. Раздался вопль и полетели брызги. Это картечина ранила совершенно постороннюю лягушку, залезшую в яму половить мух. Кашляя от дыма, Тарасов вывалился наружу. Патроны кончились, но он был уверен, что с негодяем Мальковым покончено.

Пока происходил этот расстрел, бабка Агафья, развив вторую космическую скорость, ломанула к товарищу Прилукину, жившему через четыре дома. Ввалившись в дом участкового, она увидела, что он мирно храпит (время было послеобеденное). Возмутившись донельзя таким вопиющим нарушением служебной дисциплины, бабка огрела милиционера клюкой и завопила сорванным голосом:

– Дрыхнешь и не знаешь ничего!

– Ай! Ты чего, баба Гаша? – открыл глаза Прилукин.

– А тово! Ромуальдыч наш Ваську Малькова только что порешил! Ружо наставил – и давай шмалять... Аль ты стрельбы не слыхал?

Участковый изменился в лице. Схватил фуражку и, как был, в одних кальсонах и бязевой нательной рубашке, босиком выскочил на улицу. Довольная развитием интриги бабка последовала за ним.

К месту происшествия уже стекался народ.

– Чего? Кого? ... Стрелял-то кто? ... Да никто не стрелял, это мальчишки из жигана бабахнули! ... Убили! ... Луку убили? ... Заткнись, дура-баба! Вот же он, сам стоит! ... Капа, ты только скажи, мой Фёдор тебе всего за поллитру сортир-то починит... Кровь! Ой, люди, гляньте! След кровавый!

– Ну-ка, тихо все! – гаркнул Прилукин.

Увидев представителя силовой структуры, народ замолк и расступился. Арчибальд с гордо поднятой головой шагнул навстречу участковому.

– Убил я гада, Потапыч! Замочил в сортире!

– Тамбовский волк тебе Потапыч! – хмуро отрезал лейтенант, – А ну, шагай за мной!

Толпа одобрительно загудела.

И, отобрав ружьё, слуга закона увел убийцу к себе домой, так как надо было одеться. Не проводить же допрос в одном исподнем!

Не волнуйся, Читатель, Василий остался жив! Служба в ВДВ не прошла для парня даром и научила военным хитростям! Он кулаком выбил две доски задней стенки и выскользнул наружу, аккуратно приставив доски обратно. Затем нырнул в стоящую стеной крапиву и попластунски ретировался в сторону бани, надеясь там отсидеться до прибытия сикурса. Баня была крепкая, с дубовой дверью, которую не то, что картечь, а и жакан не прострелит.

План удался! Скользнувши в предбанник, Вася подпёр дверь и спрятался под лавку. До него донесся грохот выстрелов. Два, потом ещё два.

«Ага, повёлся тестюшка! Решил, что я в сортире! А я вовсе не там, а тут!»

Выждав, на всякий случай, с четверть часа, осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Отец и двое соседей, профузно матерясь, шарили баграми в сортире.

– Батя! Я вовсе здесь! – окликнул его Василий.

Лука дернулся и уронил багор.

– Сынок! А мы-то уж думали... Мать уже даже тесто для блинов завела!

– Зачем блины? Какие блины?

– А для поминок!

– Нифига себе, оперативность!

Василю помогли дойти до дома, перевязали. Затем Лука сбегал до телефона в сельсовет и вызвал «Скорую Помощь», так как о. Александр был в отъезде. Довольно быстро из Лебединки приехал раздолбанный Рафик с фельдшером Ильёй Игоревичем. Осмотрев раненого, тот поставил диагноз: «Огнестрельные ранения правой полужопы и ляжки».

– В хирургии придётся везти, пули выдергивать, а то нагноение может произойти, а то и Антонов Огонь!

Фельдшер был старенький, начал работать сразу после Гражданской Войны. Однако обезболивающий укол и перевязку сделал ловко!

Делать нечего, Василия завернули в одеяло и погрузили в авто. Илья Игоревич, прижимая к животу пятилитровую бутылку вишнёвки, уселся рядом, и они уехали.

Тем временем товарищ Прилукин, предварительно закончив прерванный бабкой Агафьей послеобеденный сон, в своём казённом кабинете на другом конце села приступил к допросу гражданина Тарасова, тоже отдохнувшего и успокоившегося в холодке камеры. Стратегически заполнив паспортную часть протокола, лейтенант неожиданно задал преступнику основополагающий вопрос, добиваясь «момента истины»:

– Ты почто в него стрелял?

Арчибалд поёрзал и с вызовом ответил:

– Чтоб до смерти убить!

– Была ли промеж вас личная неприязнь? – продолжил участковый, заглянув в методичку по проведению допроса, чтоб не сбиться.

Допрашиваемый этого мудрёного выражения не понял, но, на всякий случай, решил всё отрицать.

– Не было такой!

– А как же тогда? – озадаченно поднял брови дознаватель.

– Он мою дочь обесчестил!

– Это как это? – всерьёз удивился Прилукин и закурил, чтобы скрыть удивление.

– А вот так!

Подследственный показал недвусмысленным жестом, как именно произошло обещание.

Прилукин хмыкнул:

– Да они же в церкви венчались! И свадьба была! Всё по православному! Никакого разврату, али, там, приневоливания. Ах, да! Вы же уехавши были!

Тарасов побледнел, как портянка:

– Какая ещё, нахрен, свадьба?! Сельсовет закрытый был, товарищ Крупский с нами в город ездил!

– Вот, они его и ждали, чтобы расписаться, как положено после венчания. А ты, чудак на букву Мэ, родную дочь вдовой сделал!

В этот момент в участок ворвалась бабка Агафья. Платок у неё сбился на затылок, на правой ноге не хватало калоши. Лицо её было красным от ажитации и перенесенных перегрузок.

– Ага! Сидите тут, чай распиваете! А обратно не знаете ничего!
– Какие ещё чай? Ты чё, баба Гаша? – напрягся Прилукин.
– Чё, чё! Через плечо! Васька-то, живой оказался! – триумфально выпалила бабка.
И дознаватель, и подследственный аж подскочили:
– Ну!? Выловили из сортира?
– Ой, не было его тама! Он в бане спрятавшись оказался!
Арчибальд снова побледнел и рухнул обратно на стул.

Матери вздохнули с облегчением,
Даже улыбается конвой!
Говорят, статья переменяется:
Заменяют нам расстрел тюрьмой!

Такая, подходящая к моменту строфа из блатной песни мелькнула у него в голове.
Товарищ Прилукин ткнул пальцем в сторону Арчибальда:
– Ты, это... побудь пока здесь, да не вздумай уйти! А я пойду, посмотрю...
Но смотреть было не на что: «Скорая Помощь» уже уехала. А бабка Агафья помчалась к Тарасовым.

Света лежала на кровати на животе, ибо попа болела ужасно, и рыдала в подушку от несправедливости жизни. Батя даже слова сказать не дал, сразу по попе ремнём! И Васи рядом нет заступиться!

Вошла мать:

– Ну, что, позорница? Как теперь жить думаешь? Кто тебя, такую порченную, в жены возьмёт? У-у, шалава!

– Маманя! И вовсе я не такая! Мы с Васей в церкви венчались! И свадьба была! – прогундосила дочь.

Раиса потеряла дар речи и вынуждена была глотнуть водички.

– Как так, венчались?! С Мальковым? Он же враг!

– Вам, может, и враг, а я его полюбила! Он красивый!

Вот это новость, так новость!

Тут в окно постучалась измученная беготнёй бабка Агафья.

– Ага, вы тут сидите-сучаете, а тама батьку вашего заарестовали!

– За что, баба Гаша? – вскричала Раиса, хотя сердце-вещун уже подсказало ей, за что.

Бабка выдержала драматическую паузу, ибо надо было отдышаться и правильно сформулировать ответ.

– Он в Ваську стрелял! Восемь раз!

Света завyla волчицей и попыталась упасть в обморок, но не смогла.

– Попал? – еле слышным шепотом спросила Раиса.

– Ну, а как же!!!

Света зарычала и, что было силы, рванула цепь. Ножка кровати треснула, и молодуха оказалась на свободе. Обмотав цепь вокруг талии, чтоб не мешала, она кинулась на улицу. Раиса последовала за ней.

У дома Мальковых люди ввели их в курс дела: истекающего кровью Василия увезла в хирургию «Скорая Помощь», а Арчибальда товарищ Прилукин допрашивает в участке.

Глава четвёртая

Света побежала обратно. Покидав в авоську городской докторской колбасы, сливочного масла (несолёного!) и сливочного масла же, но шоколадного, а также кусок вонючего дорогобужского сыра и белую городскую булку, она вскочила на отцовский мотоцикл и, игнорируя вопли матери, помчалась в Любеничи. Раиса, собрав в чемоданчик свитер, две пары белья, три пылика чаю и десять пачек Беломора, а также шмат сала, отправилась в участок, ибо догадалась, что муженька посадят в тюрьму. Вопрос был: надолго ли?

Подойдя к казённому дому, она увидела, что товарищ Прилукин сажает Арчибальда в мотоцикл.

– Михаил Потапыч, погодите! Я, вот, отсидочный чемоданчик ему собрала...

Муж поощрительно покивал. Прилукин на минуту задумался, вернулся в кабинет и заглянул в методичку. Выйдя, спросил строгим голосом:

– Ничего запрещённого в чумодан не лóжила? Ну, там... ножик, али другое какое оружие, водку и эти... как их... наркотики?

– Чего? – удивилась Раиса, – Какие-такие тошнотики? Только чай да папиросы... А про ножик я заранее знала, что не положено.

Про сало она умолчала. Вдруг оно и есть таинственные наркотики?

– Ну, тогда ладно, – Прилукин расправил усы и завёл мотоцикл, – Где в городе тюрьма, знаешь ли?

– Знаю...

– Вот, туда и повезу твоего!

Поцеловав жену на прощанье, Арчибальд с пафосом произнёс:

– Жди меня – и я вернусь!

Прилукин крутанул ручку газа, мотоцикл взревел и унёс террориста... нет, пожалуй, не террориста, а просто так, несостоявшегося убийцу, в туманное будущее.

Света мчалась, не жалея технику, по колеистой дороге на Лебединку. От неё начинался асфальт до самых Любеничей. Каких-нибудь полчаса – и она там! Но судьба сыграла с мадам Мальковой злую шутку: кончился бензин, и двигатель, пукнув несколько раз, заглох. До Лебединки было ещё километров восемь с половиной. Пнув ни в чём не повинное транспортное средство, Света заплакала. Надежды, что кто-нибудь проедет мимо и поделится бензином, было мало: вечер, грузовики уже все на приколе, а личного транспорта в Красном Раю не так много. Да и кто на ночь глядя путешествовать будет? А ещё она с ужасом осознала, что денег у неё ни копейки! Забыла второпях взять кошелёк!

Света сидела на пеньке уже три часа и ничего не могла придумать. Конечно, можно было бросить мотоцикл и вернуться домой пешком... Или толкать тяжеленную железяку по ухабам и колдобинам? К утру дотолкала бы...

Темнело. На синем бархате небосвода появились первые звёзды. За ними последовали звездищи, звёздочки и звездюльки. Все они заняли отведенные им в созвездиях места. Большая Медведица приветливо помахала бедняжке своим длинным пушистым хвостом. Из-за леса выглянула любопытная луна, похожая на начищенный медный тазик для варенья. Увидев одинокую фигурку, нахмурилась и попыталась согреть её своими лучами. Но – увы! Лунные лучи не больно-то тёплые... А тут ещё и тучка наплыла. Негромко, но страшноуато ухал филин. В кустах прошмыгнула лиса. На душе у молодухи сделалось неуютно. Мало ли, вдруг, вообще, леший из чащи вылезет и заставит с ним хороводы водить?

Света сильно проголодалась и, поколебавшись, отломил горбушку булки. Ей хотелось и колбасы тоже, но ножа не было, а кусать от целого куска она постеснялась. Как потом такую передачу Васе нести?

Внезапно хлеб застрял у неё в горле! От испугу, ибо по дороге к ней медленно приближался... всадник без головы! Вспомнилась книга с таким названием, прочитанная всего месяц назад. Насилу дочитала, так страшно было. Вгляделась попристальней, мобилизовав силу воли: туловище в холщёвой рубаше с пояском, руки-ноги... а головы, точно, нет! Вот ужас, так ужас! Конь был обыкновенный, серый в яблоках. Света попыталась упасть в обморок, но опять не смогла. Всадник подъехал вплотную и остановился.

– Здравствуйте, девушка! – раздался голос из того места, где должна была быть голова.

Света задрожала крупной дрожью, но, тем не менее, нашла в себе силы ответить на приветствие:

– И вам здравствуйте! Только я уже не девушка, я замужем.

В этот момент тучку сдуло ветерком, луна засияла поярче, и Света увидела, что голова у всадника есть, только лицо чёрное-чёрное.

«Негр, наверное!»

Чернокожий слез с коня.

– А вы тут, что?

– Бензин кончился, – вздохнула Света, перестав дрожать, – Не знаю, что и делать...

Незнакомец улыбнулся ослепительно белыми зубами:

– О! Этому горю можно помочь! До Лебединки точно доедете!

Света удивилась невероятно: где он бензин-то возьмёт? Не с коня же отсосёт?

– Так, деву... женщина, отвернитесь, а я всё сделаю!

Пришлось отвернуться, хотя ужасно хотелось посмотреть, что произойдёт. До слуха донёсся скрип отвинчиваемой крышки бензобака, затем журчание.

– Готово! Можете ехать!

Света нажала на ручку стартера. Ничего! Ещё раз... Мотор чихнул и завёлся!

– Ой! А как это?

Чёрный человек засмеялся:

– Я, прошу прощения, в бензобак попысал. Остатный бензин уровнем выше приподнялся, снова в топливозаборник поступать стал. Между прочим, меня Бенья зовут!

– А я – Света... Малькова.

– Счастливого пути, Света Малькова!

Света уже хотела тронуться в путь, но вспомнила насчёт денег.

– Ой, товарищ Бенья... Вы мне не займёте ли рублей пять? Или, хотя бы, три... Заправиться и вообще! А я, как управлюсь, сразу отдам взад. Вы не подумайте, у меня дома деньги есть, просто кошелек забыла второпях. Вы, ведь, в Лебединке живёте?

– О чём речь! Конечно! Вот, возьмите!

Бенья, пошарив в карманах, протянул Свете трёшку и четыре полтинника.

– А живу я на улице Карла Маркса, третий дом по левой руке, мимо не пройдёте, у нас ещё калитка резная.

– Спасибо, товарищ Бенья!

– Путь добрый! Не забудьте всё с бензобака слить, прежде, чем заправляться!

И Света поехала, стараясь не газовать, чтобы бензин экономился. До Лебединки доехала без проблем, даже удивительно! Ночевать попросилась к тётке Дарье, золовке шурина дяди Корнея. Она была своя, Красно-Райская, просто замуж вышла за лебединского парня.

Несмотря на поздний час, Дарья собрала ужин, и долго слушала душераздирающую историю о стрельбе из ружья в сортире, о раненом картечью молодом муже, о заглохшем в чистом поле мотоцикле.

– Так бы и куковала там до утра, кабы не этот Беня! – закончила рассказ Света и отпила пересохшим ртом остывшего чаю, – Но, спужалась я его мрачно, аж пальцы на ногах скрючило.

– Знаю я его, – кивнула Дарья, – Мы тут к нему привыкли. Хороший человек, зоотехником работает. Двойняшек-девчушек один воспитывает. Прямо, шоколадки!

– А... почему он чёрный? – спросила Света, умирая от любопытства.

Автор не утаит от тебя, Читатель, эту тайну!

В марте сорок шестого вернулась с войны на родину Галина Долотова, служившая медсестрой в Берлине. Там она сошлась с американским сержантом, Бенджаменом Роули. Дело молодое! Хотели пожениться, но Первый Отдел не разрешил. В результате сержант уплыл в свою Америку, а Галину демобилизовали всвязи с беременностью. В июле месяце, аккурат на праздник Рождества Иоанна Предтечи (7 июля), у неё родился мальчик. Чёрный-пречёрный! Вся райбольница сходилась посмотреть на эдакое диво. Галина в честь отца записала сына Бенджаменом. Крестили, правда, Вениамином. Вот и вырос в Лебединке Бенджамен Бенджаменович Долотов!

Утром Света встала пораньше, доехала до заправки и залила полный бак шестьдесят шестого, не забыв слить остаток, как ей было рекомендовано. Двенадцать литров, по три копейки за литр. Всего вышло тридцать шесть копеек. Затем продолжила свой путь на Любеничи. По асфальту мотоцикл тянул шустро, всего за два с четвертью часа добралась. Перед тем, как идти в больницу, купила свежую булку в булочной, в очередной раз восхитившись, что для хлеба отдельный магазин выделили.

В больнице пришлось ждать. Посещение больных разрешалось с полудня. Часов у Светы не было, поэтому она следила за ходом времени по солнцу. Тень самая короткая в полдень! Дождавшись этого, пошла, объяснив пожилой вахтёрше, что она жена Малькова, привезённого вчера по «Скорой Помощи».

– А! Это который раненый с ружья в полужопицу?

– В ягодницу! – чопорно поправила тётку Света.

– Ну, проходи! Второй этаж, третья палата. На, вот, халат, прикройся. И бахилы тоже напяль!

Закутавшись в халат, который был на пять размеров велик, и путаясь в бахилах, пошитых не иначе, как на слона, Света пошла в указанном направлении. Она чувствовала себя неудобно в этом храме медицины, ибо не болела никогда, если не считать прыщей, и в лечебных учреждениях не бывала, в смысле, не лежала. Практику проходила, да, но это же совсем другое дело! Вот и двери с табличкой «Хирургическое отделение». Постовая медсестра показала, где третья палата, и Света вошла туда с бьющимся сердцем.

Палата была маленькая, всего на пять человек, но, кроме Васи, в ней больных не было. Все ходячие ушли на свидания с родственниками и друзьями. А Вася, её Вася, был не один! Он целовался!!! С женщиной!!! Взасос!!! Услышав скрип двери, парочка прервала сие приятное занятие и с замешательством и испугом воззрилась на Свету. У бедняжки потемнело в глазах, но, несмотря на это, она тётку опознала: Ритка Пантюхина! Тоже медсестра, вместе учились. Вот, шалава, чужих мужьёв отбивать! А Вася, тоже хорош! Всего четвёртый день, как женаты, а уже...

– Светик! – жалким лживым голосом вскричал Василий, – Это не то, что ты подумала! Она меня насильно... нарочно!

– Ага, из засады! – понятно кивнула жена и швырнула в неверного мужа колбасой.

Затем последовало масло несолёное, масло шоколадное, сыр... Хлебом Света кидаться не стала: грех.

– Вот, поправляйся! – пояснила она, с удовольствием наблюдая, как шоколадное масло, впечатавшееся прямо в лоб, натекает в левый глаз (растаяло от жары).

Затем Света быстрыми шагами пересекла палату и вцепилась Ритке в волосы левой рукой, одновременно царапая ейную рожу правой. Эх, жаль, что ногти короткие! Ритка пронзительно завизжала, забилась, как птичка в когтях у кошки. На шум прибежали люди, разняли-растащили. С клоком волос в руке Света выскочила на крыльцо.

– Ну, что, твой-то? Поправляется? – равнодушно поинтересовалась вахтёрша, принимая халат и бахилы, – Чтой-то ты быстро!

– Да чтоб он сдох! – буркнула Света и прыгнула в седло мотоцикла.

Приехав в Красный Рай уже без всяких приключений, она зашла к Мальковым и забрала вещи, объяснив, что поживёт пока у мамы – надо же её поддержать. Про Василия лишь скупой обронила, что поправляется. Дома, как могла, утешила мать. Две безмужние женщины...

Василий, между нами говоря, вовсе не имел в виду ничего такого, в смысле измены. Это Маргарита, пришедшая делать укол, восхитилась его атлетической мускулатурой, а также красотой лица, и сама попросила поцеловаться. Василий не смог отказать ей в этой просьбе. А кто бы смог, когда девушка, хотя и некрасивая, сама предлагает? Вот, ты бы, Читатель, смог? То-то! Но сделанного не воротишь, поцелуй не воробей, вылетит – не поймаешь.

Кстати, операция по извлечению картечин прошла успешно, и хирург заверил Малькова, что, буде послеоперационный период пройдёт без осложнений, его выпишут дней через восемь.

Уже на третий день в Любеничи приехал на Волге директор винсовхоза товарищ Кремень (ударение на первом слоге) и попросил свидания с подследственным Тарасовым.

– А вам зачем? – поинтересовался прокурор.

– По производственной надобности...

Свидание было разрешено. Товарища Кременя завели в комнату, разделенную мелкоячеистой металлической сеткой, и усадили за стол.

– Ничего не передавать! Никаких предметов, даже маленьких! – строго предупредил конвоир, – Свидание пять минут!

Через другую дверь ввели Арчибальда. Тот сел напротив директора и грустно улыбнулся:

– Здравствуй, Алексей Палыч!

– Здорово, Ромуальдыч! Ну, ты как тут?

– Да, как... Сижу, вот. Говорят, недели через две суд будет.

– О! Уже скоро!

Оба закурили.

– Что теперь с производством будет, без тебя, значит? Качество упадёт! Может, откроешь лично мне секрет-то? А я никому ни полсловечка не проболтаюсь! – приступил к цели своего приезда Кремень.

– При всём моём к тебе уважении, Алексей Палыч, не могу. Ты же не сын мне, и даже не внук. А насчёт качества не волнуйся: ещё года полтора не упадёт, ежели ёмкости мыть не будете. Там секрета ещё много! Только технологию не меняйте. Ну, да, Витольдыч проследит!

Витольдыч был заместителем Ромуальдыча.

Директор облегченно перевёл дух. Слава КПСС, не пострадает качество!

– Я тебе, Ромуальдыч, адвоката найму за счёт винзавода. Самолучшего!

– Вот, за это спасибо!

– Время! Свидание закончилось! – объявил конвойный, и Арчибальда увели.

В адвокатской конторе Кремень договорился с единственным свободным адвокатом, неким Пыркиным, о защите гражданина Тарасова.

– Так, говорите, из ружья стрелял? И даже ранил человека? – принялся задавать вопросы специалист.

– Ага.

– И всё это на почве личной мести? Может, в состоянии аффекта?

– Думаю, да. Он решил, что Васька... то-есть, пострадавший, его дочь обесчестил. Ну, и схватился за ружьё!

Уточнив некоторые детали и оставшись довольным посуленным гонораром, Пыркин, неопределённо пошевелив пальцами, заверил Кременя, что всё будет в порядке.

– Постараюсь добиться минимального наказания, а то и условного! Случай не очень сложный.

Раны Василия зажили без осложнений. Как и было обещано, его выписали на девятый день. Накануне он позвонил в Красный Рай и товарищ Крупский передал телефонограмму Мальковым. Лука завёл мотоцикл и поехал забирать сына. Знамо дело, вручил хирургу пятилитровую бутылку вишнёвки, а медсёстрам – здоровенный пирог с вишней, испечённый Капитолиной.

Василий вышел на свежий воздух бледный и осунувшийся.

– Здорово, батя!

– Здравствуй, сынок! Ну, как ты?

– Да, как... Не очень, чтобы очень.

Садиться в седло Василий не стал, уместился в коляске. Раком, ибо сидеть было всё ещё больно. Лука поехал медленно, чтобы не растряссти сына. По дороге тот спросил:

– Светка у нас живёт?

– Не, у матери. Для поддержки, значит. Арчибальда же посадили!

Василий закручинился, запечалился и загоревал.

«Сам виноват! И леший меня дёрнул эту дуру прыщавую целовать! А как не поцелуешь? Она же сама первая губищи распустила! Ой, говорит, какой ты муштина замечательный! Вот бы ты только со мной был всегда! Хочу! А в больнице скучно, вот и поддался... Ну, ничего, прощенья попрошу, покаюсь хорошенько, Светка и простит, в конце концов. А, вот, с секретом как быть? Тесть, поди, не скоро освободится...»

Все эти мысли оптимизма не прибавляли. Обогащение отодвигалось на срок отсидки Арчибальда.

Прибывши домой, Василий первым делом пообедал по-человечески. Сам знаешь, Читатель, как кормят в больницах. А в хирургии ещё и первый стол назначают, что значит картофельное пюре без соли и манная каша. Или это нулевой стол? Не помню...

После обеда пошёл искать жену. Нашёл с первой же попытки, на работе. Света была занята сортировкой лекарств, привезённых из аптеки. Не больно простое дело: список А, список Б, что в шкаф положить, что в сейф, а что и в холодильник. На мужа она взглянула холодно и работу не прервала.

– Светик! Я, это, прощения просить пришёл. Сам не знаю, как оно так вышло. Ритка эта как накинута с поцелуями... Понять можно, одинокая она. Вовсе у меня к ней ничего! – многословно бубнил Василий, не поднимая глаз, – Возвращайся, а?

Света прищурилась:

– А если бы я не приехала, ты бы ей, вообще, вдул!

– Да ты чё несёшь-то! – всполошился Василий, – Прямо, в палате, что ли?

– Ну, в палате, не в палате... В кладовке, али в бельевой!

– Да я же раненый был!

– Ага, а если б здоровый? Вдул бы!

Василий задумался, и твёрдо ответил:

– Нет! Я только тебя люблю!

Света поверила. И то, сказать, Вася-то у неё красавец, знамо дело, бабы липнуть будут. Главное – контроль за ним установить и пресекать чужеродные поползновения! С приятностью вспомнила, как расцарапала Ритке рожу.

– Ладно, – сказала она всё ещё нейтральным тоном, – Вернись.

Василий попытался чмокнуть её в щёку, но Света уклонилась.

Вечером, после семейного ужина, все вместе, кроме Вовки, закопавшегося с уроками, смотрели телевизор «Старт-3». Показывали венгерский многосерийный фильм «Капитан Тэнкиш». Ух, и здорово главный герой дрался кнутом! И с ног врагов сбивал, и оружие выдергивал из рук! Василий держал Свету за руку, и она её не отнимала. Вовка косился на молодых и улыбался улыбкой мудрого, знающего всё взрослого человека, догадываясь, что они будут делать ночью. Предвкушение эротических звуков возбуждало и отвлекало от математики. Вот, ещё одно уравнение решить – и можно повернуться к телеку, в котором, судя по звукам, кого-то похищали.

В десятом часу все улеглись спать. Не дожидаясь, пока уснут родители и Вовка, Василий распространил руки, ибо сильно соскучился по таинственным жарким глубинам Светиного тела. Поцелуй, ещё поцелуй... Ой, что-то не так! Вожделение было, но не было необходимой мужской реакции организма! Попросту говоря, то, что нужно, не желало твердеть. Ну, ни синь-пороху! Света попыталась помочь привычными к коровьим соскам руками. Не сработало! Вай-вай, что же делать? Промучившись целый час, Василий сдался.

– Это, наверное, из-за ранений, Свет. Завтра сил наберусь и снова начнём.

Света разочарованно вздохнула и повернулась к мужу спиной. Тот уснул, положив руку на её уютную тёплую попу.

Вовка был разочарован донельзя. Надо же, у братана осечка вышла! А он уже левую руку приготовил к действию! Придётся сегодня спать просто так, без удовольствия...

Глава пятая

Ни на следующий, ни на последующий день мужская функция не восстановилась. Василий впал в отчаяние! Пришла, понимаешь, беда, какую не ждали! По совету отца выпил, перед тем, как ложиться, водки, настоящей на зверобое. Тоже не помогло! Через три дня, преодолев стыдливость, парень отправился в больничку к о. Александру.

– Вот, батюшка, у меня прямо никак не подымается! С тех пор, как с хирургии выписали – ни разу не смог.

О. Александр сочувственно покивал:

– Когда последний раз у тебя с женой было?

– Да, аккурат перед расстрелом.

– А потом эрекция была ли?

Василий мудрёное слово не понял.

– Чего-чего была?

– Ну... стояк был ли? Может, по утрянке?

И Василий вспомнил: встал у него на Ритку! И здорово, между прочим!

– Было... На медсестру процедурную, в хирургии.

– И ты с ней...

– Нет, что вы, батюшка! Как можно! Только целовались мы.

– А потом?

– А потом – всё! Ни разу, я ж говорю.

О. Александр задумался.

– Кто такая?

– Рита... Маргарита Пантюхина.

– Опиши мне её!

– Ну, такая... Росту высокого, худая, сутулая. Сисек нет. Чернявая, прыщи на щеках и на лбу... на подбородке тоже. Не красавица. Нос длинный, губы тонкие, зубы кривые. Во, ещё кожа бледная, как поганка!

О. Александр погрузился в транс и принялся медитировать, вызывая в сознании образ Маргариты. Для Василия это выглядело так: застыл человек, как камень, с открытыми, не моргающими глазами, даже, вроде, и дышать перестал. Стало страшновато. О. Александр очнулся минут через пять.

– Что она тебе говорила? Вспомни, это важно!

Василий напрягся.

– Вот так, значит, сказала: ой, какой ты мущина замечательный! Вот бы ты только со мной был всегда! Хочу! И тут жена вошла...

О. Александр встал и провёл ладонями вокруг головы Василия, а потом и вдоль тела. Затем достал из ящика стола хитрым образом закрученную спиралью толстую медную проволоку на ручке и навёл сей агрегат на пациента. Приблизил, не шевеля рукой. В полуметре от груди проволока отклонилась. Сама! Направленная на пупок тоже отклонилась, но ближе. А, вот, в районе паха не отклонилась! Василий смотрел во все глаза, чувствуя недоброе.

– Плохо дело, батюшка? – спросил он упавшим голосом.

О. Александр вздохнул и убрал проволоку обратно в стол.

– Подвергся ты внушению, милый юноша.

– Не понял! – напрягся Василий, – Какое ещё внушение? И кто меня внушал?

– Как тебе объяснить попроще... Сглаз на тебе. Понятно?

– Порча, что ли? – с замиранием сердца прошептал Василий, леденея от ужаса.

– Нет, порча – это когда безусловный вред имеется в виду. А это – сглаз. То-есть, эрекция у тебя будет только на, г-м, Маргариту. И она тебя от этого освободить сможет, если захочет. Ну, или ещё кто-нибудь, но посильнее меня.

– Так, значит, ведьма она, Ритка? – удручённо сгорбился Василий.

О. Александр отрицательно качнул головой:

– Я бы выразился иначе: экстрасенс.

Василий заплакал. Как с женой-то теперь жить, вот вопрос!

Вечером, обнимая Свету, представил, что это Ритка. Шевельнулся! Но, едва-едва.

«Значит, придётся в Любеничи ехать, договариваться с ней, ведьмой прыщавой...»

Через неделю в Любеничах состоялся суд над Арчибальдом. На него поехали на трёх мотоциклах товарищ Прилукин, Света с матерью, Мальковы (все четверо), а также товарищ Кремень и товарищ Крупский на винсовхозовской Волге.

В маленьком зале суда было душно и накурено. Все приехавшие нервничали, а потому курили, чтобы успокоить нервы. Ну, кроме Светы, Капитолины Дмитриевны и Раисы. Два конвоира ввели Арчибальда и встали по бокам скамьи подсудимых. Секретарь объявил:

– Встать! Суд идёт!

Вошёл судья и двое народных заседателей.

– Слушается дело...

Первым выступал прокурор. В леденящих душу выражениях он описал кошмарное покушение из ружья на жизнь гражданина Малькова В. Л.

После этого был вызван основной свидетель обвинения, участковый уполномоченный Прилукин. На вопрос, что он может рассказать по данному поводу, Михаил Потапыч ответил так:

– Он, это, мне навстречу вышел и говорит: убил я гада! Ну, я его заарестовал и допрашивать повёл. Спрашиваю: почто, мол, ты в него, ну, в Ваську, то-есть, стрелял? Из-за личной неприязни? А он: не было такой неприязни, а стрелял, потому что он дочь мою опозорил. Ну, переспал с ней. Он, граждане судьи, уехавши был, и не знал, что свадьба была, а то бы, конечно, стрелять воздержался.

Затем был вызван потерпевший.

– Я, граждане судьи, сидел и лучины щепал на растопку. Вдруг входит во двор этот Тарасов, мой, типа, тесть, и стреляет с ружья. Окно разбил! Я в него от неожиданности поленом кинул, а он опять стрельнул. В пленницу. Но две картечины в меня попали! Случайно, наверное. Больно мне стало, ну, я и в сортир! Подумал маленько, через заднюю стенку вылез, чтоб короче, и в баню пошёл. Слышу, он в сортире стреляет, на испуг меня хочет взять. Только я нисколько не спужался! А потом у Арчибальда Ромуальдыча патроны кончились, он стрелять и перестал.

Суд допросил ещё нескольких свидетелей. Все подтвердили факт стрельбы во дворе и в сортире, разбитое окно и порушенную пленницу.

– Слово имеет прокурор!

Прокурор встал, откашлялся, и многословно заявил, что имело место покушение на убийство, не произошедшее из-за не зависящих от преступника обстоятельств, а посему Тарасова следует судить по статье УК РСФСР №... Короче, потребовал восемь лет строгого режима.

– Слово имеет защита!

Адвокат Пыркин категорически отверг умысел на убийство.

– Посудите сами, граждане судьи: во-первых, воинская профессия моего подзащитного снайпер. Снайпер! Я утверждаю, что, впав в состояние аффекта из-за, якобы, позора дочери, он решил попугать, да-да, именно попугать потерпевшего. Иначе как объяснить тот факт, что

с десяти шагов (с двадцати, вообще-то! – прим. Автора) он первым выстрелом разбил окно, а вторым обрушил поленницу? Это профессионал-то! Да, две картечины попали в пострадавшего, причинив ему кратковременное расстройство здоровья. Но он сам виноват! Надо было сразу рассказать подзащитному о свадьбе, тот и успокоился бы! А стрельба в сортире – это так, для пушшего эффекта, побольше страху чтоб нагнать. Взгляните, какие широченные плечищи у потерпевшего! А вот фотография и размеры очка! Нипочём бы этот атлет туда не пролез! Учитывая все вышеперечисленные смягчающие обстоятельства, я прошу квалифицировать действия моего подзащитного, а, фактически, жертвы обстоятельств, по статьям УК РСФСР №№... и назначить ему два года условно.

– Подсудимый! Вам предоставляется последнее слово.

Арчибальд встал, одёрнул пиджак:

– Граждане судьи! Я не хотел Ваську убивать до смерти. И ранить тоже не хотел. Оно случайно получилось. Попугать хотел, ага. Уж больно я за дочку переживал. А кабы он мне про свадьбу сразу рассказал, то я стрелять и не стал бы. Я раскаиваюсь. Готов возместить ущерб за окно и сортир. А перед Васькой я извиняюсь.

Это его Пыркин научил так сказать.

– Суд удаляется на совещание.

Все встали. Потом сели, оживлённо обсуждая услышанное. Заплаканная Раиса тискала в руках мокрый носовой платок, надеясь, что муженька отпустят. Кремень прикурнул новую папиросу от окурочка догоревшей. Он волновался, ибо терять Главного технолога не хотелось категорически. Товарищ Крупский, председатель сельсовета и, по совместительству, парторг Красного Рая, озабоченно соображал, что придётся исключить Тарасова из Партии из-за уголовного преступления. Такая была установка. Делать это ему ужасно не хотелось, потому, что показатели понизятся и вообще...

Через пятнадцать минут судьи вернулись в зал.

– Оглашается приговор! Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, гражданина Тарасова Арчибальда Ромуальдовича признать виновным по статьям УК РСФСР №№... и определить ему наказание...

Все замерли. Воцарилась такая тишина, что было слышно, как под потолком паук чавкает мухой.

– ... определить ему наказание в виде лишения свободы на один год с отбыванием оного в колонии общего режима. Приговор может быть обжалован в обычном порядке и в установленные сроки.

Все облегчённо загудели. Год! Молодец, судья, не стал свирепствовать! Раиса радовалась, что срок небольшой, и через год они с мужем снова будут жить-поживать и добра наживать. Василий, наоборот, грустил, что ждать, пока тесть выйдет, долго, целый год. Ведь, только тогда Света сможет выведать у него секрет! Сорок тысяч обжигали Васино воображение.

Присутствовавший на суде резидент ЦРУ, надевший личину простого советского человека-электрика по фамилии Сафонов (тот самый, кому Василий отправил зашифрованную телеграмму), немедленно известил мистера Беркли, что секретноноситель вишнёвки осуждён на год общего режима.

Через два дня Василий, ибо было уже невозможно, а ничего не получалось по-прежнему, сел на мотоцикл (он уже мог сидеть!) и поехал в Любеничи, соврав жене, что надо зайти в военкомат. На самом деле он ехал разобраться с ведьмой Риткой.

Приехав в больницу, он, хлебнув для храбрости вишнёвки и стырив сушившийся на верёвке белый халат, долго слонялся по коридорам, отбрёхиваясь от встречного персонала тем, что он, якобы, проводит инвентаризацию. Риту он нашёл в бельевой. Она вместе с сестрой-хозяйкой пересчитывала наволочки.

– Ой! Вася приехал! – радостно воскликнула она, при этом пиная напарницу.

Та намёк поняла и вышла, плотно притворив за собой дверь. В кладовке стало темно-вато, но глаза гражданки Пантюхиной горели, как угольки! Василий, сперва хотевший лишь поговорить, внезапно ощутил мощный приступ желания! Он схватил ведьму обеими руками, швырнул на кучу простыней и... И всё у него получилось!

– Ой, Васенька! Ой, миленький! – задыхаясь от счастья, верещала Рита, – Не останавливайся! Давай, сразу, ещё разок!

И Василий пошёл на второй заход, не вынимая. Такого удовольствия он ранее не испытывал ни с кем!

Потом Рита пошла его проводить до мотоцикла. Неловко потоптавшись, Василий пробубнил, не поднимая глаз, так как было стыдно:

– Ты... это... отпусти меня, а?

– Да, кто ж тебя держит? – удивилась Маргарита, – Езжай себе... к жене! А если опять соскучишься и захочешь меня навестить, то лучше не в больницу, а ко мне домой. Там удобнее.

И назвала адрес.

Василий уехал, воодушевлённый надеждой на светлое будущее.

Однако вечером в постели со Светой он опять ощутил состояние нестояния!

«Да, прав батюшка оказался... Неужто, и впрямь, только с Риткой теперь смогу?»

Мысль эта, тем не менее, не показалась ему такой ужасной, как прежде. Ну, прыщи, ну, сисек нету. Зато получилось, да ещё как здорово! М-да...

Света съездила в Лебединку к товарищу Долотову, отдать долг и, вообще, пообщаться. Тот обрадовался ей необычайно, усадил пить чай, познакомил со своими дочками – Верочкой и Наденькой. Две хорошенькие курчавые шоколадки трёх лет от роду! Они сразу приняли Свету за свою, влезли на колени и потребовали рассказать сказку. Света рассказала им про волка и семеро козлят. Девочки долго обдумывали услышанное, а затем Верочка глубокомысленно изрекла:

– Волк сам виноват! Не надо было откладывать на потом, надо сразу было всех козлят есть!

И Света, и Бенья долго смеялись.

Света рассказала ещё одну сказку: про Колобка. Наденька похлопала длиннющими ресницами и задумчиво спросила:

– А когда Колобок по дорожке катился, у него глазки пачкались?

Ни Света, ни Бенья ответить не смогли, так как их согнуло от хохота. На прощание Бенья поцеловал Свету в руку и пригласил приезжать ещё.

Василий снова посетил о. Александра.

– Вы были правы, батюшка. Только я эту Маргариту увидел, сразу встал! Ну, и не совладал, значит... Просил потом, чтоб отпустила, но с женой всё по-прежнему. Что делать-то?

О. Александр задумался.

– Надо тебе найти того, кто сглаз снимет, раз Маргарита этого не сделала. Походи по стране, поспрашивай людей.

Василий ушёл в большой задумчивости. Легко сказать, походи по стране! Подумав, решил наняться в Брянске в дальнобойщики. Сказано – сделано!

– Я, Светик, хочу в дальнобойщики пойти. Деньжат подзаработать... и вообще. Ты как смотришь? Ненадолго, месяцев на восемь.

Света думала недолго. Деньги, и впрямь, были нужны. Не век же жить с родителями? Свой дом нужен? Нужен!

– Ладно, Вася, ехай. Смотри, осторожней там.

– Ну, неужели!

Приехав в Любеничи, Василий не смог побороть искушения, и зашёл к Рите. Провёл у неё незабываемую, головокружительную ночь! То, что она делала с ним, он даже в курилке не слышал (солдаты в курилке разговаривали исключительно о бабах!). Утром сел в автобус на Брянск и всю дорогу вспоминал, как... Ой, дальше – нескромное!

В Брянске нашёл нужное предприятие не глядя. Предъявил водительские права второго класса, написал заявление, автобиографию и заполнил анкету. Пришлось раскошелиться в фотоателье на шесть фотографий.

– Вот, значит, товарищ Мальков, будешь дальнобойщиком, – обнадёжил Василия кадровик, шмыгая пурпурным носом, – Послезавтра получишь машину – и в рейс!

Две ночи пришлось ночевать у Тараса Демьяныча, внучатого племянника двоюродного деда Амвросия. Ближняя родня, да. Демьяныч оказался человеком пьющим, и Василию пришлось соответствовать. За два вечера было выпито столько, сколько он не выпил за всю предыдущую жизнь!

Похмелившись поутру рассолом, Василий попрощался с гостеприимным родственником (век бы его не видеть!), и отправился на работу. Завгар, товарищ Леперов, подвёл его к машине.

– Вот, Зил-130. Совладаешь ли?

Вместо ответа Василий сел за баранку и исполнил несколько восьмёрок.

– Годится! Иди в диспетчерскую, там и наряд получишь.

И началась трудовая жизнь. Первый рейс был не особенно далеко – Псков. Всего-то два дня пути. Груз – индустриальные железяки.

Василий ехал не быстро. На каждой остановке, будь то заправка или приём пищи, интересовался у местных и таких же, как он, дальнобойщиков, нет ли поблизости экстрасенсов. Люди этого слова не понимали, а потому пугались и уклонялись от разговора. Василий понял свою ошибку, и принялся спрашивать насчёт ведьм, колдуний и прочих волшебников. Это привело к неприятностям: в райцентре Кулёмино его остановил милицейский старшина. Он долго проверял документы, груз и путевой лист, а затем вкрадчиво спросил:

– А зачем вам, комсомолец Мальков, колдун нужен? Религия – опиум для народа!

– Да, так, из любопытства! – выкрутился Василий.

Старшина пожевал губами и нехотя вернул документы:

– Можете следовать дальше. А контрреволюционные разговоры больше не ведите!

«Нифига себе! Причём тут контрреволюция?»

Так и приехал в Псков, не солоно хлебавши. Там переночевал в гостинице, а поутру взял груз на Тюмень. Тоже индустриальные железяки, только другие.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Мотался наш герой по необъятному Советскому Союзу три месяца, очень осторожно, памятуя предупреждение милицейского старшины в Кулёмино, расспрашивая о колдунах. Домой за это время только два раза заехать удалось. И опять ничего со Светой не получилось, как себя не настраивал Василий. А с Маргаритой – получилось! Только не отпустила она его и на этот раз, как ни просил.

И вот, в маленьком городке Заозёрске, в Забайкалье, Василий обрёл, наконец, нужную информацию. Дескать, живёт в деревеньке Полуденная, в небольшом буддийском дацане лама Ли Ван. Лечит всё! Даже радикулит. Даже тромбофлебит. Даже косоглазие.

– Ой, милай, у него, вообще, хромые начинают говорить, а глухие – ходить! Девочек от прыщей избавляет на раз! – рассказывала Василию повариха в пельменной, – Ежели чего – сразу к нему едем. Ну, с подарками, ясное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.